

Некролог. Профессор Александр Петрович Голубцов († 4 июля 1911 г.)
// Богословский вестник 1911. Т. 2. № 7/8. С. 1–47 (2-я пагин.).

А. Голубцовъ.

А. П. Голубцовъ.

(20 ноября 1860 г. † 4 июля 1911 г.).

Новая тяжелая утрата постигла Московскую Духовную Академію: скончался ординарный профессор по кафедрѣ церковной археологіи и литургики Александръ Петровичъ Голубцовъ.

Покойный родился въ селѣ (въ рѣкѣ -- погостѣ) Ильинскомъ на рѣкѣ Шачѣ, Галичскаго уѣзда, Костромской губерціи, 20 ноября 1860 года. — Отецъ Александра Петровича, священникъ Петръ Александровичъ Голубцовъ, былъ родомъ изъ села Успенья Нейскаго, сынъ священника о. Александра Голубцова. Семья постьдьяго была очень многочисленная и состояла почти исключительно изъ сыновей: изъ нихъ въ живыхъ остался одинъ — священникъ Геннадій Александровичъ Голубцовъ, по годамъ почти ровесникъ Александру Петровичу. Покойный отецъ Александра Петровича былъ человекъ очень умный, честный, до самоотверженія заботливый о семьѣ, на рѣдкость трудолюбивый, гостеприимный, отличный хозяинъ, но обладать очень строгимъ нравомъ и горячимъ темпераментомъ. За 15 лѣтъ до смерти онъ заболѣлъ грудной жабой и подъ конецъ жизни сильно страдалъ отъ нея, но, несмотря ни на какую боль, никогда не отказывался отъ исполненія своихъ обязанностей: неустанительно совершалъ богослуженіе и исправлялъ приходскія требы во всякое время дня и ночи и во всякую погоду. Умеръ онъ отъ разрыва сердца, на 55-мъ году жизни (въ іюль 1887 года), по возвращеніи изъ лѣсу, гдѣ долго разлещивалъ пропавшихъ овецъ.

Мать Александра Петровича, Анна Елисѣевна, была родомъ изъ того же села Ильинскаго (что въ Шаринѣ), какъ

его называютъ). О. Петръ поступилъ въ священники на мѣсто ея отца, дѣдушки Александра Петровича о. Елисея, имѣвшаго тоже большую семью, въ которой было только двѣ дочери, а остальные—сыновья. Ашпа Елисеѣвна была простая, необразованная женщина, даже неграмотная, характеромъ отличалась довольно веселымъ. Чуть ли не съ первыхъ лѣтъ замужества она болѣла тяжелою женскою болѣзнию и умерла отъ паралича или удара на 68-мъ году, пробовавши четыре дня.

Въ семействѣ о. Петра было 5 человекъ дѣтей—четыре сына и одна дочь (Екатерина Петровна). Александръ Петровичъ былъ вторымъ по старшинству. Въ настоящее время изъ всего семейства въ живыхъ остается только Екатерина Петровна, дважды овдовѣвшая и потерявшая единственную дочь. Послѣ братьевъ Александра Петровича остались осиротѣлыя сестры въ 5, 4 и 3 человекъ дѣтей.

Отецъ Петръ съ своимъ семействомъ жить очень бѣдно. Доходу онъ получалъ всего 150 рублей въ годъ, поэтому долженъ былъ, для прокормленія и воспитанія дѣтей, самъ пахать, борошить и косить, держать побольше скота для удобренія плохой въ ихъ краѣ земли и вообще трудиться, не покладая рукъ. Питаніе въ семьѣ, конечно, было весьма скудное: мясо очень рѣдко бывало за столомъ, да и то съосоленное, болышею частію баранина; гречневая каша была праздничнымъ кушаньемъ; чай полагался только по праздникамъ и послѣ бани. Александръ Петровичъ воспоминаеть, какъ часто, при отправленіи дѣтей въ училище, у отца не было ни копейки или не хватало денегъ, и онъ долго скорбный сидѣлъ въ раздумьи, потомъ уходилъ къ какому-нибудь прихожанину побогаче съ просьбой дать въ долгъ на нужду. Однажды о. Петръ вернулся въ слезахъ и горько рыдалъ, получивши отказъ въ ссудѣ и очутившись въ безвыходномъ положеніи. Этотъ случай произвелъ на Александра Петровича сильное впечатлѣніе и остро вѣзался въ память. Вообще, воспоминанія дѣтства Александра Петровича были полны впечатлѣніями крайней бѣдности, нужды и непосильнаго труда. Бережливость въ одеждѣ и обуви доходила до крайности. Александръ Петровичъ рассказы-

вать такой случай: какъ-то онъ запылилъ или загрязнилъ только-что сшитые для него сапоги, потомъ вымыть ихъ въ рѣкѣ и отнесть въ паточенную баню на горячую печь посушить: мокрые сапоги пересохли отъ жары и такъ зако-рузли и сбежались, что онъ, сколько ни мазать, ни чистить, не могъ ихъ смягчить: за такую порчу обуви ему жестоко досталось отъ отца. При всей своей строгости, о. Петръ, однако, очень любилъ дѣтей: прѣзжая изъ Галича, онъ всегда привозилъ имъ хоть троневыя игрушки или гостинцы, а когда они впоследствии прѣзжали изъ училища на кашкулы, всячески старался держать столь хорошее: самъ питался скудно и во всемъ себѣ отказывая, заставлялъ мать печь имъ сладныя лепешки, давать больше молока, масла и т. п. Дѣти чувствовали это, прощали ему его временную горячность, очень любили и уважали его.

Грамотѣ Александра Петровича начать учить самъ отецъ, но потомъ отдалъ его вмѣстѣ съ сестрой въ общее село къ матушкѣ Евпраксѣ, гдѣ они и обучались съ крестьянскими ребятами. Ученье тамъшло плохо—мѣшали разные шалости дѣтей, раздражавшія учительницу. Въ виду этого, о. Петру вскорѣ пришлось взять дѣтей обратно.

Послѣ кратковременной домашней подготовки, Александръ Петровичъ поступилъ въ Галичское духовное училище. Здѣсь Александру Петровичу также много пришлось вы-страдать вслѣдствіе крайней бѣдности. Бывало, рассказывалъ онъ, мать, отправляя его послѣ кашкуль въ училище, дать вмѣсто носковъ холстины на ноги, и онъ долженъ былъ носить ихъ безъ перемѣны до Рождества: эти тряпки становились настолько жесткими и грязными, что онъ предпочиталъ въ самые дурные морозы бѣгать изъ квартиры въ училище въ однихъ кожаныхъ сапогахъ, на босую ногу. Квартирная хозяйка, гдѣ онъ жилъ съ товарищами, полу-чала на ихъ содержаніе ничтожную плату, поэтому всячески старалась экономить. На завтракъ въ училище она давала имъ по ломтю чернаго хлѣба, изъ плохой муки, полусырого, съ закаломъ изъ экономіи. Чтобы такой хлѣбъ споспѣе быть на вкусъ, мальчишки крѣпко насаливали его, такъ что онъ дѣлался въ нихъ карманахъ совсѣмъ мокрымъ. Но и въ

этомъ видѣ хлѣбъ былъ единicomъ заманчивой пищей для голодавшихъ дѣтей, почему они всегда старались урвать хоть кусочекъ другъ у друга. А если у бѣгле съостительнаго появлялся кощечный калачъ, то владѣльца буквально осаждали просьбами: „наря, дай кусочекъ!“ и не отступали до тѣхъ поръ, пока у него самого ничего не оставалось. Въ супъ полагалось мясо, но такого качества, что, по словамъ Александра Петровича, „другая собака, пожалуй, попохала бы да и прочь пошла“. А если въ праздники и подавалось мясо въ лучшемъ видѣ, то въ такомъ ограниченномъ количествѣ, что его съѣдали востъ супа по командѣ, строго стѣдя, чтобы кто-либо не взялъ лишняго куска.

По дорогѣ изъ училища на квартиру, перѣдко завязывались стѣчки между учениками духовнаго и мѣщанскаго училищъ. Въ одну изъ такихъ стѣчекъ, въ сильную гололедицу, Александръ Петровичъ, спасаясь отъ преслѣдованія „мѣщанскихъ“, поскользнулся, упалъ на обледѣвшую мостовую и переломилъ себѣ лѣвую руку. Его отвели къ какой-то старухѣ, которая съ ужасною болью выправила ему руку и забинтовала въ дубокъ. Долго потомъ рука не заживала, и онъ не разъ за уроками прихаживалъ къ ней, чтобы опредѣлить, качается она или нѣтъ. Мѣсто перелома было замѣтно до конца, и въ дурную погоду рука всегда ныла. Семейные Александра Петровича обычно спрашивали: „будетъ дождь или нѣтъ?“ и онъ рѣдко ошибался въ своихъ отвѣтахъ.

Въ средѣ учениковъ грубость нравовъ была ужасная. Старшіе по квартирѣ ученики заставляли младшихъ мыть имъ сапоги на Галицкомъ озерѣ, посылали за водкой, заставляли ставить самоваръ и т. п. Если хотѣли разбудить заспавшагося ученика, то вкладывали ему въ носъ „цыгарку“, свернутую въ трубочку бумажку, и зажигали ее съ свободнаго конца. Дымъ наполняетъ носъ и ротъ, и несчастный мальчуганъ съ испугу чуть не съѣзъ на стѣну. Иногда для этой же цѣли подносили зажженную бумагу къ голымъ выткамъ. Чего-чего только не продѣлывали эти дѣтныи нецѣлѣбной злобы, сидѣвшіе по нѣскольку лѣтъ въ каждомъ классѣ, перѣдко обросшіе солидными бородами! Одно воспоминаніе о нихъ и вообще о дикихъ нравахъ Галич-

своей буре приводило Александра Петровича въ содроганіе.

Но изъ учителей онь многихъ воспоминалъ съ благодарностью. Съ большой похвалою Александръ Петровичъ отзывался объ учителѣ латинскаго языка, который столь живо велъ урокъ, что не давалъ никому дремать: постоянно спрашивая то одного, то другого ученика, онь требовалъ, чтобы каждый былъ всегда готовъ продолжать урокъ постѣ товарища, гдѣ бы его ни прервали: знали у него на зубокъ. Воспоминалъ Александръ Петровичъ, какъ не давалось ему итти, за что учитель стыдилъ его и ставилъ плохія отбѣты: какъ этотъ учитель заставлялъ учениковъ итти на разные классы дѣтскіе ступки въ родѣ слѣдующаго: „Гетала галочка по ельничку, некала галочка березничку, съда галочка на елочку, елочка-то надломилася, галочка-то повалилася“ и т. п. Другой учитель, желая отучить Александра Петровича отъ появившейся у него привычки защищаться при отвѣтѣ, говаривалъ ему: „что ты все перхасешь? Перцу что-ли лашохадея?“...

При переходѣ изъ училища въ Костромскую духовную семинарію Александръ Петровичъ опасно заболѣлъ тифомъ, искушавшись по дорогѣ домой, на кашкулы: потомъ у него разболѣлись глаза. Въ виду этого пришлось отложить на годъ поступленіе въ семинарію. Во время обученія въ семинаріи, Александръ Петровичъ жилъ въ общезантѣ, пользуясь стипендіей Кіевского митрополита Арсенія, почему и велѣть вписать его имя въ поминанье, равно какъ и имя митрополита Макарія, преміи котораго онь получалъ въ Академіи. Несмотря на стипендію, матеріальная нужда и въ семинаріи одолевала Александра Петровича. Убывая изъ дому, всегда съ горькими слезами, онь получалъ на все расходы 20 копеекъ, сознавая при этомъ, что онь съ братьями оставлялъ отца и мать почти безъ конейки. Дорога предстояла длинная: до Галича 30 верстъ да 150 до Костромы. Лѣтомъ перѣдко приходилось хаякивать пѣшкомъ, а въ зимнее время ѣздили на лошадахъ, но зато мерзли отчаянно: никакіе „шубники“ не спасали отъ мороза, и юные путники не разъ должны были на стаяціяхъ оттирать

окончившіе члены. Во время обученія Александра Петровича въ Костромской семинаріи тамъ былъ замѣчательный инспекторъ—Петръ Федоровичъ Поповъ. Это былъ человѣкъ умный, честный, строгій, умѣвшій поддерживать дисциплину; онъ имѣлъ настоящіе „диспекторскія“ очи, очень дальновзоркія и всевидящія, благодаря чему внезапно появлялся тамъ и тогда, гдѣ и когда его совѣтъ не ожидали. Александръ Петровичъ съ пріязнательностію вспоминалъ, какъ онъ сразу, строгимъ выговоромъ и двухдневнымъ сидѣньемъ за голоднымъ столомъ, навсегда отбилъ у него всякое стремленіе къ куренью, которымъ онъ хотѣлъ было заняться по примѣру товарищей. Составъ семинарскихъ преподавателей также былъ очень хорошій. Члене другихъ Александръ Петровичъ вспоминалъ Орфанитскаго, Альбова, Донского, Заозерскаго, Троицкаго и Рейнгольцкаго. Про себя Александръ Петровичъ разсказывалъ, что въ началѣ обученія онъ развивался довольно туго, но подѣ конецъ сталъ заниматься очень успѣшно и былъ поставленъ на казенный счетъ въ Московскую духовную Академію въ 1882 году.

Въ Академію Александръ Петровичъ ѣхалъ со страхомъ и благоговѣніемъ, представлялъ себѣ чѣмъ-то необыкновеннымъ и недосягаемымъ, а профессоровъ—людьми особенными, не похожими на тѣхъ, которыхъ онъ до сихъ поръ видѣлъ. Онъ былъ очень удивленъ, когда на академическомъ крыльцѣ его вѣжливо встрѣтилъ служитель, взялъ чемоданъ, который онъ всегда носилъ самъ, и отнесъ въ номеръ. За столомъ на первыхъ порахъ съ нимъ случались курьезы. Какъ-то подали говяжьи котлеты и машую кашу: онъ принялъ кашу за соусъ, сталъ ее ѣть вмѣстѣ съ котлетой, чѣмъ и вызвалъ смѣхъ среди товарищей. Вскорѣ по поступленіи въ Академію, земляки первымъ дѣломъ показали ему, какъ повичку, трактиръ и заставили ихъ угостить. Затѣмъ начался занятія. Александръ Петровичъ сталъ усердно посѣщать лекціи, все безъ изъятія, но потомъ сократилъ эти посѣщенія до мінимума, сосредоточивъ все вниманіе на семестровыхъ сочиненіяхъ. Последними онъ занимался съ рѣдкимъ трудолюбіемъ: вставалъ рано и безпрерывно

работать въ теченіе дѣлаго дня; для обдумыванія сочиненій любилъ уединяться, для чего перѣдко ходилъ по лаврскимъ стѣнамъ. Усиленные занятія разстраивали и безъ того некрѣпкое здоровье Александра Петровича. Въ томъ же направленіи дѣйствовали и другія обстоятельства. Когда оуть былъ на III-мъ курсѣ, начались студенческія волненія на почвѣ недовольства столомъ и веденіемъ академическаго хозяйства. Въ это время (Филипповъ постъ 1884 года) Александръ Петровичъ уже былъ женихомъ Ольги Сергѣевны Смирновой, младшей дочери ректора Академіи прот. С. К. Смирнова, и всѣми мѣрами старался оградить семью своей невѣсты отъ неприятностей, неизбежно связанныхъ съ волненіемъ студентовъ. Это ему стоило большихъ усилій и напряженія нервовъ. Въ качествѣ дежурнаго, старшаго и престо первака оуть долженъ былъ входить въ объясненія съ ректоромъ и инспекторомъ. Объясненія эти обычно бывали неприятнаго свойства и сильно волновали Александра Петровича.—На IV-мъ курсѣ занятія стали еще напряженнѣе: нужно было писать кандидатское сочиненіе, притомъ, главнымъ образомъ по рукописнымъ источникамъ; а къ дому приходили неутѣнительныя вѣсти о плохомъ состояніи здоровья отца, матери и брата. Подъ вліяніемъ всего этого, Александръ Петровичъ серьезно заболѣлъ и довольно долго пробылъ въ больницѣ, гдѣ лѣчился отъ истощенія и горловой жабы.

Но, несмотря на болѣзнь, Александръ Петровичъ представилъ выдающееся кандидатское сочиненіе. Писать оуть профессору Е. Е. Голубинскому на тему: „*Патріархъ Московскій Іосифъ*“. Въ виду крайней сложности задачи, оуть, по соглашенію съ патрономъ, все вниманіе сосредоточилъ на одномъ изъ эпизодовъ правленія п. Іосифа— на преніяхъ о вѣрѣ между русскими богословами и лютеранскимъ патрономъ Фельдгаберомъ, возникшихъ въ связи съ намѣреніемъ царя Михаила Феодоровича выдать свою дочь Црицу Михайловну за датскаго принца Вальдемара. Проф. Е. Е. Голубинскій, оцѣнившій работу Александра Петровича балломъ 5+, писалъ въ своемъ отзывѣ: „Матеріаль, палъ которымъ достигень былъ работать авторь... очень обши-

рентъ, такъ что требовать отъ него не какого-нибудь легкаго, а напротивъ — усидчиваго труда. А при этомъ трудъ увеличивался еще тѣмъ, что весь сполна матеріалъ остается въ рукописяхъ. Авторъ трудился надъ дѣломъ весьма добросовѣстно и выполнилъ его столько же удовлетворительно. Вся полемика съ относящейся къ ней исторіей изложена имъ полно и обстоятельно и подвергнута имъ собственному обсужденію или разбору основательно. Съ особенной и парочитой похвалою я долженъ отозваться о тѣхъ новыхъ остроумныхъ и, какъ мнѣ кажется, основательныхъ соображеніяхъ, которыя высказываетъ авторъ относительно значенія нашей полемики для своего времени. До патр. Іосифа русскіе съ предубѣжденіемъ смотрѣли на малороссіанъ, видя въ нихъ, подобно тому какъ и въ грекахъ, людей, утратившихъ чистоту истиннаго православія. Но ихъ приготовленія къ тому, чтобы убѣдить Вальдемара присоединиться къ православію и именно посредствомъ перекрещенія, заставили ихъ обратиться за научными средствами убѣжденія, которыхъ они не имѣли у себя дома, къ малороссійскимъ ученымъ. Съ другой стороны, полемика съ ученымъ пасторомъ Вальдемара убѣдила Московскихъ русскихъ въ томъ, что, не обладая научными средствами, они не въ состояніи заграждать уста враговъ православія. То и другое вмѣстѣ, по мнѣнію автора, содѣйствовало пробужденію мысли у Московскихъ русскихъ о необходимости введенія у себя настоящаго образованія и о заимствованіи его изъ Малороссіи чрезъ вызовъ тамошнихъ ученыхъ¹⁾.

Курсъ Академіи Александръ Петровичъ окончилъ въ 1886 году первымъ магистрантомъ (изъ 108 студентовъ своего выпуска) и былъ оставленъ при Академіи профессорскимъ стипендіатомъ по кафедрѣ церковной археологіи и литургіи, освободившейся за смертью (въ декабрь 1885 года) выдающагося специалиста проф. И. Д. Маневетова. Съ физическаго вида онъ былъ тогда довольно высокаго роста, стройный, но худой и съ низкимъ цвѣтомъ лица. По окончаніи Академіи, имѣлъ

¹⁾ Цитовано по рукописному отзыву Е. Е. Голубинскаго, сохранившемуся въ бумагахъ Александра Петровича.

месяць онъ провелъ на родинѣ, а 31 августа обвѣнчался съ Ольгой Сергѣевной въ селѣ Ахтыркѣ, въ четырехъ верстахъ отъ Хотькова. Въ тотъ же день повобрачные уѣхали къ отцу Александра Петровича, въ Костромскую губернію, и пробыли тамъ всего четыре дня. О. Петръ въ это время доживалъ послѣдніе дни: былъ очень худъ, почти ничего не ѣлъ и постоянно держалъ руку за пазухой, видно, отъ боли. Въ іюль слѣдующаго года онъ скоропостижно скончался. Въ эту поѣздку Александръ Петровичъ видѣлся съ нимъ въ послѣдній разъ.

По возвращеніи въ Посадъ, Александръ Петровичъ съ супругой поселились на Вишань, въ домъ б. Голубева, теперь кушца Трегубова. Квартира заранее была меблирована и снабжена всею необходимыми стараніями матери Ольги Сергѣевны. Здѣсь протекли первые цѣлтора года ихъ брачной жизни.

Въ теченіе стипендіатскаго года Александръ Петровичъ дѣятельно готовился къ назначенной для него кафедрѣ: неустанно слушалъ лекціи временнаго его замѣстителя проф. А. П. Лебедева, читавшаго церковную археологію и литургику съ января 1886 года до конца 1886⁷ учебнаго года, и самостоятельно изучалъ литературу своихъ предметовъ. Въ началѣ іюля 1887 года онъ представилъ отчетъ о своихъ стипендіатскихъ занятіяхъ. Академическій совѣтъ поручилъ его разсмотрѣніе А. П. Лебедеву. Послѣдній въ своемъ отзывѣ писалъ: „Отчетъ написанъ въ формѣ мотивированнаго конспекта по церковной археологіи— съ главнѣйшихъ сторонъ этой научной отрасли— и отчасти по литургиці. Изъ него видно, что г. Голубцовъ обстоятельно изучалъ археологію, но очень немного занимался литургикой, за недостаткомъ времени. Слѣвающее имъ по части изученія археологіи очень значительно: онъ прочелъ большое количество статей и сочиненій, въ которыхъ излагается содержаніе этой науки, успѣлъ опредѣлить сравнительное достоинство и большую или меньшую научную пригодность тѣхъ или другихъ прочитанныхъ имъ пособій, составилъ на основаніи ихъ въ формѣ отчета конспектъ, изъ котораго обнаруживается, что г. Голубцовъ не только основательно и серьезно

ознакомился съ предметомъ, но и представляетъ себя науку въ строго систематическомъ видѣ. Къ этому я долженъ прибавить, что на основаніи неоднократныхъ бесѣдъ съ г. Голубцовымъ я убѣдился, что имъ дѣйствительно прочитано много полезнаго по части археологіи (какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ), и прочитанное усвоено съ большою отчетливостью. Какъ я сказалъ, изъ отчета видно, что литургической авторъ занимался немного, но и въ этомъ случаѣ его занятія были не безплодны: онъ пришесть, по словамъ его отчета, къ той мысли, которую нужно признать очень вѣрною, что „наука о церковномъ богослуженіи должна состоять не въ изложеніи *status quo* нашей церковной службы по литургическимъ книгамъ и не въ изясненіи ея смысла по извѣстнымъ приемамъ школьной экзегетики,—которыя долгое время ограничивала свою любознательность наша русская литургика,—а въ опредѣленіи историческихъ основъ богослуженія, въ историко-археологическомъ разясненіи его формъ или генезиса“. Такъ какъ г. Голубцовъ, по окончаніи академическаго курса, оставленъ былъ при Академіи заниматься археологіей и литургикою, въ надеждѣ, что, какъ одинъ изъ отличныхъ кандидатовъ прошлагодняго академическаго выпуска, онъ достаточно подготовитъ себя къ занятію вакантною въ нашей Академіи кафедрой по этой наукѣ, то осмѣливаюсь выразить мнѣніе, что надежда эта оправдается. Основываясь на отчетъ г. Голубцова, серьезно, основательно и свидѣтельствующемъ о зрѣлости взглядовъ автора, а равно основываясь на своихъ личныхъ бесѣдахъ съ г. Голубцовымъ, которыя мнѣ перѣдко приходилось вести съ нимъ въ качествѣ временнаго преподавателя археологіи и литургики,—нахожу, что онъ съ успѣхомъ и достоинствомъ можетъ занимать кафедру церковной археологіи и литургики въ нашей Академіи“ (изъ „Журналъ заведеній Совѣта Моск. д. Академіи“).

Заслушавъ этотъ отзывъ, Совѣтъ Академіи допустилъ Александра Петровича до чтенія пробныхъ лекцій по кафедрѣ церковной археологіи и литургики (10 авг. 1887 г.). Въ началѣ сентября онъ прочтеть двѣ пробныхъ лекціи: 1) „О греческомъ иконописномъ подлинникѣ и 2) „Объ обрядовой сто-

ронъ таинства елѣосвященія“, постѣ чего былъ избранъ и. д. доцента (9 сентября 1887 года), съ условіемъ представить магистерскую диссертацію черезъ два года, и приступилъ къ чтенію курса.

Но читать ему на этотъ разъ пришлось не долго. Вскорѣ онъ простудился и заболѣлъ ларингитомъ и плевритомъ, перешедшими въ легочную болѣзнь. Въ февраль 1888 года онъ вынужденъ былъ прекратить чтеніе лекцій, изложивши студентамъ только „введеніе въ науку и исторію архитектуры древне-христіанскаго и византійскаго храмовъ, съ очеркомъ ихъ внутренняго расположенія и убранства“, и, по совѣту врачей, отправился для лѣченія въ Крымъ. Въ Крыму Александръ Петровичъ несколько не поправился, только еще сильнѣе простудился, а на обратномъ пути заболѣлъ дезинтеріей. По возвращеніи изъ Крыма, 19 іюня 1888 г. Александръ Петровичъ перебрался съ семьей въ новую квартиру на Красюковку (которую не покидалъ до самой смерти) и снова приступилъ къ чтенію лекцій въ началѣ 1888—1889 учебнаго года. Но уже въ январѣ 1889 года онъ обратился въ Совѣтъ Академіи съ просьбой о пособіи на лѣченіе. „По совѣту врачей,—писалъ онъ,—наступающей весной, для поддержанія своего слабаго здоровья, я долженъ отправиться на кумысь въ Оренбургскія степи, между тѣмъ средствъ для предполагаемой поѣздки не имѣю, да при семействѣ, тяжелой грудной болѣзни и непрерывной, значительной тратѣ на лѣченіе, не могу ихъ добыть или сэкономить. Все это вынуждаетъ меня утруждать Совѣтъ Академіи цокорифѣйшею просьбой, не найдетъ ли онъ возможнымъ просить Его Высочайшее преевощество ходатайствовать предъ св. Синодомъ о выдачѣ мнѣ денежнаго пособія въ количествѣ, потребномъ на означенную поѣздку“. Совѣтъ уважилъ просьбу Александра Петровича и постановилъ ходатайствовать о выдачѣ ему 500 рублей. Однако, пособія этого Александръ Петровичъ не получилъ. Вѣроятно, этому помѣшала неблагопріятный отзывъ архіепископа Херсонскаго Никанора о статьѣ Александра Петровича, напечатанной въ „Прибавленіяхъ къ твор. св. отцевъ“ (1889 г. кн. 1) подъ заглавіемъ: „Изъ исторіи изображеній креста“. Александръ Петровичъ все-таки

отправился лѣтомъ 1889 года на кумысь, но только не въ Оренбургскія степи, какъ предполагать раньше, а въ Самару, воспользовавшись гостеприимствомъ Самарскаго епископа Серафима ¹⁾.

Лѣченіе кумысомъ весьма благотворно подѣйствовало на здоровье Александра Петровича. Вернувшись изъ Самары и нашедъ потребованное отъ него (черезъ Совѣтъ Академіи) объясненіе по поводу статьи своей, вызвавшей замѣчанія архіепа. Никанора, онъ съ удвоенной энергіей приступилъ къ своимъ занятіямъ и прежде всего взялся за магистерскую диссертацию. Но срокъ ея подачи уже истекалъ. Въ виду этого, Александръ Петровичъ обратился въ Совѣтъ Академіи съ просьбой объ отсрочкѣ. „По требованію устава духовныхъ Академій, — писалъ онъ, — я долженъ быть въ теченіе 2-хъ лѣтъ, по утвержденіи въ должности, представить сочиненіе на степенъ магистра богословія. Но я не могъ въ указанный срокъ всецѣло выполнить возложеннаго на меня обязательства по слѣдующимъ причинамъ: 1) Матеріалъ, надъ которымъ приходилось работать, очень обширенъ, а главное — весь остается въ рукописяхъ, разбѣянныхъ по разнымъ отечественнымъ книгохранилищамъ. Изучать его на мѣстѣ, за отсутствіемъ времени и средствъ, у меня не было возможности: приходилось выписывать рукописи черезъ академическій Совѣтъ и ожидать ихъ прибытія по нѣскольку мѣсяцевъ. 2) Постигшая меня на первомъ году моей службы грудная болѣзнь, въ соединеніи съ частымъ лихорадочнымъ состояніемъ, отняла у меня не мало времени, заставивъ съѣздить сначала въ Крымъ на 4 мѣсяца, потомъ цѣль лѣтомъ въ Самару на кумысь. 3) Недостатокъ въ средствахъ вѣлѣдствіе продолжительнаго лѣченія вынуждалъ насъ не разъ изымать ихъ путемъ литературнымъ. Хотя я занимался въ своихъ статьяхъ изслѣдованіемъ вопросовъ изъ области своей диссертации, тѣмъ не менѣе все это мѣшало окончить послѣднюю къ сроку, т. е. къ 9 сент. текущаго года. Въ виду означенныхъ причинъ моей несправности и

¹⁾ Преосв. Серафимъ въ теченіе двухъ лѣтнихъ каникулъ (1889 и 1890 года) предоставлялъ Александру Петровичу бесплатное помѣщеніе на своей монастырской дачѣ вмѣстѣ со столомъ и всемъ необходимымъ.

небезпримѣрности подобныхъ просьбъ въ другихъ Академіяхъ, осмѣливаюсь почтительнѣйше просить Совѣтъ Академіи пеходатайствовать мнѣ дозволеніе представить магистерское сочиненіе въ сентябрь 1890 года“.

Отрочка была дана, и ровно черезъ годъ (6 сент. 1890 г.) Александръ Петровичъ, совершенно оправившійся отъ грудной болѣзни, послѣ вторичной повѣдки на кумызь лѣтомъ 1890 г., представилъ въ рукописи магистерскую диссертацию подъ заглавіемъ: „Пренія о вѣрѣ, вызванныя дѣломъ королевича Валдемара и царевны Ирины Михайловны“¹⁾. Официальными рецензентами ея Совѣтъ назначилъ двухъ знаменитыхъ историковъ — Е. Е. Голубинскаго и В. О. Ключевскаго. Оба они дали лестный отзывъ о работѣ Александра Петровича. „О сочиненіи г. Голубцова,— писалъ Е. Е. Голубинскій,—я долженъ отзываться съ рѣшительной похвалой. Обширный матеріалъ изученъ имъ крайне старательно. Изложеніе дѣла очень удовлетворительное во всехъ отношеніяхъ. Общій взглядъ на предметъ—вѣрный, а частныя сужденія отличаются основательностью и свободой отъ увлеченія въ крайность. Вообще, сочиненіе г. Голубцова представляетъ собою такую монографію по взятому имъ вопросу, по отношенію къ которой можетъ быть выражено только полное удовольствіе“. По отзыву В. О. Ключевскаго, Александръ Петровичъ достигъ въ своемъ сочиненіи „крупныхъ результатовъ“: „Во-первыхъ, онъ документально изслѣдовалъ и впервые съ полной обстоятельностью изложилъ любопытный эпизодъ изъ исторіи русской церкви XVII в., гдѣ православные русскіе богословы непосредственно столкнулись и помѣрялись полемическими силами съ учеными защитниками лютеранства, и своимъ взглядомъ на дѣло придалъ его изложенію живой богословскій интересъ. Во-вторыхъ, изучая этотъ эпизодъ, авторъ сдѣлалъ возможно полный подборъ неизданныхъ памятниковъ Московской противолютеранской полемики, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ богословскимъ преніямъ 1644—1645 годовъ, и подвергъ эти памятники тщательному

¹⁾ По содержанію она явилась переработкой кандидатскаго сочиненія Александра Петровича.

критическому разбору. Такимъ образомъ онъ обработалъ цѣлый отдѣлъ русской духовной литературы XVII в. Эти результаты достигнуты благодаря серьезному отношенію автора къ своей задачѣ и правильной постановкѣ вопроса" (См. Журналы засѣданій Совѣта Моск. д. Акад. за 1891 г., стр. 392—398). — Въ 1891 году Александръ Петровичъ напечаталъ свою диссертацию и защитилъ ее (25-го ноября), а значаще слѣдующаго года получить ученую степень магистра богословія (10 января 1892 г.) и званіе доцента Академіи (15 февраля)¹⁾. Въ томъ же году онъ издалъ въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей Россійскихъ“ документальное приложение къ своей диссертации подъ заглавіемъ: „Памятники преній о згрѣ, возникшихъ по дѣлу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны“ (XXVI+350 стр.). Въ это собраніе вошло значительное количество трактатовъ на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ.

Съ того же времени начинаютъ усиленные занятія Александра Петровича церковно-археологическимъ музеемъ при Академіи. Музей этотъ, фактически возникшій еще въ концѣ 1871 года и формально открытый въ 1880 году, долгое время не имѣлъ особаго хранителя и помѣщенія, находясь въ рукописномъ отдѣленіи библиотекъ, подъ наблюденіемъ библиотечара. Въ 1891 г. была учреждена должность завѣдующаго музеемъ и тогда же предоставлена Александру Петровичу, какъ преподавателю церковной археологіи и литургіи. Сознавая всѣ неудобства оставленія музея въ библиотекѣ, Александръ Петровичъ вскорѣ возбудилъ ходатайство о переведеніи его въ северо-восточное отдѣленіе актовато зала Академіи. Ходатайство было уважено, и съ января 1892 года музей занялъ означенное помѣщеніе, вполне для него удобное. Переходъ въ новое помѣщеніе потребовалъ отъ Александра Петровича напряженной работы по внутреннему устройству музея. Онъ самолично развѣшивалъ иконы, приобрѣталъ витрины, раскладывая въ нихъ старинныя монеты, предварительно разсматривая ихъ на дому вооруженнымъ

¹⁾ 13 апрѣля 1891 г. за магистерскую диссертацию Св. Синодомъ была присуждена Александру Петровичу Макарьевская премія въ 1000 рублей.

глазomъ, хлопотать о привлеченіи пожертвованій, заносить въ инвентарную книгу новыя поступления въ музей и т. д. Кропотливой работой надъ пумизматической коллекціей онъ сильно испортилъ себѣ зрѣніе, и глаза у него потомъ долгое время болѣли. Въ 1893 году безвозмездный трудъ Александра Петровича по благоустройству музея обратилъ на себя вниманіе комисіи, ревизовавшей бібліотеку и музей. Въ своемъ дописаніи Совѣту члены комисіи, между прочимъ, писали: „Церковно-археологическій музей, расположенный теперь въ особомъ отъ бібліотеки помѣщеніи и порученный надзору особаго хранителя доцента по кафедрѣ церковной археологіи и литургіи А. П. Голубцова, своимъ порядкомъ и благоустройствомъ производитъ на посѣтителя очень хорошее впечатлѣніе. Образцовая чистота и даже нѣкоторое изящество обстановки, тщательное распредѣленіе предметовъ и снабженіе ихъ печатными померами и надписями ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что хранитель музея относится къ нему съ той особенной пѣвностью, какую всякій цѣтый археологъ ищетъ къ достопримѣчательностямъ, составляющимъ предметъ изслѣдованія его науки. Въ настоящее время музей находится еще въ періодъ своего образованія, и многіе изъ имѣющихся въ немъ предметовъ еще не опредѣлены и не описаны еще съ полною точностью и достовѣрностью; но можно быть увѣреннымъ, что не далеко то время, когда трудное дѣло его полнаго описанія приведено будетъ къ желанному концу. Немалое количество труда, продолжавшагося иногда цѣлые мѣсяцы, употреблено и употребляется г. Голубцовымъ на то, чтобы научно опредѣлить значеніе находящихся въ музей предметовъ, въ особенности мелкихъ монетъ, надписи которыхъ доступны для прочтенія лишь вооруженному глазу и при условіи многихъ специальныхъ познаній. Безмездный трудъ г. Голубцова, совершаемый притомъ съ любовью къ своему дѣлу, заслуживаетъ полнаго уваженія и дать ему право на особенную признательность Совѣта. Эту признательность свою Совѣтъ имѣетъ возможность выразить такимъ способомъ, который будетъ всего болѣе соответствовать желаніямъ г. Голубцова, а именно своимъ энергичнымъ содѣйствіемъ къ процвѣтанію

музея. Его коллекції еще настолько незначительны, что их возможное увеличеніе должно составлять теперь первую и самую главную заботу всѣхъ тѣхъ, кто сочувствуетъ его процвѣтанію. Совѣтъ Академіи своимъ авторитетнымъ ходатайствомъ предъ высшими властями и своимъ сочувственнымъ отношеніемъ къ просьбамъ и заявленіямъ хранителя музея достойно выразить бы ему свою признательность за его усердный и безмездный трудъ". Заслушавъ этотъ отзывъ ревизионной комиссіи, Совѣтъ Академіи опредѣлить 25 февраля 1893 года выразить А. П. Голубцову особенную благодарность (См. Журн. Сов. М. Д. А. за 1893 г.). Въ 1895 году, по случаю 15-лѣтія официального существованія музея, Александръ Петровичъ издалъ брошюру: „*Церковно-археологическій музей при Московской духовной Академіи*“, гдѣ подробно изложилъ исторію возникновенія и развитія музея, заботы о которомъ не покидали его до самой смерти.

14 мая 1893 года Александръ Петровичъ былъ назначенъ лекторомъ французскаго языка въ Академіи и только черезъ 4 года послѣ полученія магистерской степени былъ, наконецъ, утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора (24 января 1896 г.), послѣ чего вскорѣ былъ освобожденъ отъ должности лектора (12 сентября 1896 г.).—1 октября 1898 года, по рекомендаціи В. О. Ключевского, Александръ Петровичъ былъ назначенъ пенсітарнымъ преподавателемъ церковной археологіи въ Московскомъ Училищѣ живописи, ваянія и зодчества. Съ этого времени у него начался болѣе близкій отношенія съ В. О. Ключевскимъ, которыя сохранились до самой смерти послѣдняго. В. О. высоко цѣнилъ Александра Петровича за его ясный и трезвый умъ, прямоту и откровенность, растворенную глубокой искренностью и задушевностью. Въ послѣдніе годы В. О. всегда съ исключительнымъ вниманіемъ выступивалъ мнѣнія и замѣчанія Александра Петровича и всегда говорилъ о немъ съ особеннымъ уваженіемъ.

Благодаря полученію экстраординатуры и лекцій въ Училищѣ живописи, матеріальное положеніе Александра Петровича нѣсколько улучшилось. Но и расходы, въ свою очередь, прогрессировали: значительно увеличилась собственная семья.

а на родинѣ, за смертью въ 1898 году двухъ братьевъ (дїакона Николая и священника Анатолія), остался на его попеченіе двѣ осиротѣлыя семьи (въ 4 и 5 человекъ); хотя, при содѣйствіи Костромскаго преосвященнаго Виссаріона, ему и удалось устроить ихъ на частичный доходъ, но все же они нуждались въ поддержкѣ.

Съ 1899 года Александръ Петровичъ приступаетъ къ печатанію своей докторской диссертаціи. Предметомъ для нея онъ избралъ „соборные чиновники“, т. е. возникшія въ Московскій періодъ русской церковной исторіи „защипы особенностей соборной службы, наполнявшія уставъ“. При этомъ онъ поставилъ себѣ двоякую цѣль: „сначала привести (соборные чиновники) по возможности все въ извѣстность, предварительно обследовать ихъ и полностью по лучшимъ спискамъ одни напечатать вновь, другіе и наиболѣе важныя переиздать и потомъ уже приступить къ историко-антургическому разсмотрѣнію особенностей нашей древней службы по нимъ“. Первую цѣль онъ осуществилъ въ четырехтомномъ изданіи самаго текста чиновниковъ съ предисловіями и указателями. Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ имъ были напечатаны въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей Россійскихъ“: 1) „*Чиновникъ Новгородскаго Софійскаго собора*“ (1899 г., XX+270 стр.); 2) „*Чиновникъ Холмогорскаго Преображенскаго собора*“ (1903, XLII+286); 3) „*Чиновникъ Нижегородскаго Преображенскаго собора*“ (1905, XVI+68) и 4) „*Чиновникъ Московскаго Успенскаго собора и выходы патріарха Никона*“ (1908, LIII+312). Для выполненія второй цѣли онъ напечаталъ въ 1907 году первую половину изслѣдованія подъ заглавіемъ: „*Соборные чиновники и особенности службы по нимъ*“ (I—V—262 стр.).¹⁾ Въ этомъ изслѣдованіи Александръ Петровичъ, разъяснивши названіе чиновниковъ и давъ общее представленіе о нихъ, подробно говоритъ о св. Софій Константинопольской, какъ идеаль храмowych и церковно-богослужебныхъ порядковъ для древне-русскихъ соборовъ, о важномъ

¹⁾ Колоссальный трудъ по изданію изслѣдованія и памятниковъ раздѣляли съ Александромъ Петровичемъ все старшіе члены его многочисленной семьи вмѣстѣ съ супругой Ольгой Сергѣевной.

значеніи этихъ постѣдствій, ихъ внѣшнемъ богатствіи и внутреннемъ убранствѣ. Сказавъ затѣмъ о численности священнослужащихъ и вообще соборнаго клира, онъ переходитъ къ обзору важнѣйшихъ особенностей нашихъ старыхъ кафедрально-епископскихъ церквей, главнымъ образомъ, входовъ и выходовъ на праздничныхъ вечернѣ, утренѣ и литургіи. Основная мысль путешествія та, что въ упомянутыхъ обрядахъ и содѣишыхъ съ ними священнодѣйствіяхъ особенно рельефно отразилась практика и уставъ св. Софій Константинопольской. Эта мысль подтверждается и тремя небольшими приложениями—документальными экскурсами о происхожденіи орлеана, о старомъ архіерейскомъ мѣстѣ въ храмѣ и о предносной архіерейской лампадѣ.

Важное значеніе соборныхъ чиновниковъ для исторіи богослуженія и церковной археологіи было сознано давно. По словамъ самого Александра Петровича, „первые положили начало строго-научному отношенію къ чиновникамъ соборнымъ и безукорыщенному изданію ихъ текста“ описатели Синодальныхъ рукописей К. Н. Невоструевъ и А. В. Горскій (см. *Чинов. Моск. Усп. собора*, предисл., стр. III). Это было въ концѣ 60-хъ годовъ. Въпослѣдствіи, предшественникъ Александра Петровича по академической кафедрѣ проф. П. Д. Манусетовъ выражалъ опредѣленное пожеланіе, чтобы „уставы соборной службы“ нашей своего издателя и послужили предметомъ специальной монографіи. Однако, до опубликованія трудовъ Александра Петровича не появлялось ничего печерывающаго и всесторонняго какъ въ отношеніи изданія чиновниковъ, такъ и въ отношеніи ихъ изученія. Теперь же, благодаря его трудамъ, мы располагаемъ полнымъ собраніемъ древне-русскихъ чиновниковъ, научно-изданныхъ, и образцовымъ изслѣдованіемъ, собственно говоря, всей исторіи древняго русскаго соборнаго богослуженія. По отзыву проф. С. П. Смирнова, въ своей книгѣ Александръ Петровичъ „является разностороннимъ ученымъ—литургистомъ, археологомъ, историкомъ, притомъ ученымъ настоящимъ. Онъ знаетъ эти дисциплины не по однимъ руководствамъ, даже не по монографіямъ, а по источникамъ, изданнымъ и рукописнымъ, которые не разъ прочиталъ и

пристально изучить. Безспорно, автор владѣеть обильнымъ запасомъ данныхъ, скопленныхъ долготѣшимъ научнымъ трудомъ. Превосходная подготовка, съ которой приступилъ къ своей работѣ проф. Голубцовъ, помогла ему написать свое изслѣдованіе оригинально съ начала до конца. Въ приемахъ его работы нѣтъ манеры высказать какую-нибудь гипотезу, привести два-три поименіея подъ руку свидѣтельства и успокоиться. Если что предполагаетъ или утверждаетъ нашъ авторъ, то всегда на основаніи многочисленныхъ, тщательно собранныхъ и провѣренныхъ данныхъ. Какія-нибудь строки, затерявшіяся въ одномъ изъ обширныхъ чиновниковъ, открываютъ зоркому, наблюдательному изслѣдователю важныи обрядовой пережитокъ, который онъ вскрываетъ и на основаніи другихъ, болышею частью греческихъ, петочниковъ изображаетъ въ нѣкую картину. Здѣсь виденъ мастеръ. Авторъ дѣлаетъ мелкія поправки къ выводамъ первоклассныхъ изслѣдователей, притомъ съ такимъ знаніемъ дѣла и осторожностью, что заставляетъ соглашаться съ собою. Обрядовая подробность, вродѣ чтенія часовъ на литургіи или поздней обѣди, или подробность археологическая— устройство древне-русскаго архіерейскаго дома заставляютъ автора помѣщать подъ строкой цѣлыя эскизурсы, иногда довольно обширныя, всегда написанныя съ огромной эрудиціей, любопытныя для всякаго, не утратившаго интереса къ церковности... Первая половина изслѣдованія... не поражаетъ паружною величиной, но это не даетъ никакого права признать трудъ малымъ. Размѣры его всецѣло зависѣли отъ способа изложенія, котораго держится нашъ авторъ. Онъ очень экономецъ на слова, пишетъ чрезвычайно емкато, хотя и картинно, а порой и прямо художественно. Въ текстѣ книги только выводы и обобщенія изъ обширнаго матеріала, помѣщеннаго въ нѣмкихъ цитатахъ подъ строкою: изъ текстовъ памятниковъ приводятся только самыя важныя, необходимо нужныя или выразительныя. При желаніи и при шомъ способѣ изложенія книга проф. Голубцова могла быть въ три раза болыше, не ставъ болѣе содержательной" (Журн. Сов. Моск. Д. Акад. за 1907 г., стр. 79—81). По словамъ проф. Н. В. Подроваго, извѣст-

наго археолога и литургиста, книга Александра Петровича „представляет научный интерес со стороны исторической, литургической и бытовой. Она освещает многія стороны нашей древней церковной жизни, особенно богослужебные порядки, выдающіеся изъ ряда другихъ своею торжественностію и пышностію церемоніала, и путемъ тщательнаго анализа историческихъ памятниковъ доводитъ до прототиповъ ихъ въ уставѣ Великой церкви въ Константинополѣ. Научное освещеніе старыхъ церковныхъ порядковъ объясняетъ намъ многіе пережитки старины въ нашемъ современномъ богослуженіи, особенно въ торжественномъ архіерейскомъ служеніи. Авторъ изучилъ и издалъ относящіеся къ предмету изслѣдованія матеріалы, преимущественно рукописные, и на основаніи первоисточниковъ обрисовалъ намъ старое богослуженіе и точно опредѣлилъ его источники: это не есть рядъ сухихъ научныхъ выводовъ: въ нихъ вѣетъ духъ древней жизни, пониманіе стараго церковнаго уклада, а это сказывается не только въ постановкѣ вопроса, но и въ изложеніи его и даже въ языкѣ. Авторъ перѣдко говоритъ прямо языкомъ старины, дѣтской, чиношниковъ. Тема въ границахъ, намѣченныхъ авторомъ, исчерпана обстоятельно. Авторъ показалъ намъ и любовь къ предмету изслѣдованія, и обширную начитанность, и знакомство съ первоисточниками, и солидный навыкъ къ ученой работѣ. Трудъ проф. Александра Петровича Голубцова составляетъ цѣнный вкладъ въ сокровищницу нашей, все еще молодой, науки и заслуживаетъ вниманія“ (Приб. къ Церк. Вѣд. 1908, № 4, стр. 197) ¹⁾.

¹⁾ Ср. еще лестные отзывы о трудѣ Александра Петровича въ книгѣ прот. М. Лисицына: „Первоначальный славяно-русскій типиконъ“, Слб. 1911, введ., стр. VI—VII, и въ рецензіи Н. Пальмова, заканчивающейся такъ: „Богатая церковно-историческая эрудиція вообще и въ частности—отличное знаніе церковныхъ древностей, въ особенности Московскихъ, при творчествѣ мысли и удивительной сжатости яснаго, какъ Божій день, изложенія,—эти качества, отличающія собою трудъ проф. Александра Петровича Голубцова, даютъ право признать его *вкладомъ* въ исторію нашего православно-русскаго богослуженія“ (Богосл. библиогр. листокъ, прилож. къ „Руковод. для сел. паст.“, 1908, декабрь, стр. 382).

8 июня 1907 года за свое изъѣдованіе о соборныхъ чиновникахъ и три тома приложений (4-й томъ, содержащій чиновники Москов. Успенскаго собора, не были приобщены къ диссертации, такъ какъ еще не было готово предисловіе) Александръ Петровичъ Голубицовъ былъ удостоенъ Совѣтомъ Московской Академіи ученой степени доктора церковной исторіи и въ тотъ же день былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ.

Отпраздновавъ полученіе докторской степени, Александръ Петровичъ въ июнѣ уѣхалъ на родину повидаться съ матерью и оставшимся въ живыхъ братьямъ, священникомъ Алексѣемъ. Это было его послѣднее свиданіе съ ними: 16 июля скончался братъ, а 7 августа — мать. Поездъ о Алексѣя осталось 5 человекъ сиротъ и вдова: о нихъ опять пришлось хлопотать Александру Петровичу въ качествѣ опекуна. Вообще всю жизнь Александръ Петровичъ несъ двойное бремя заботъ о своей многочисленной семьѣ¹⁾ и кучѣ сиротъ отъ братьевъ, которымъ всемъ приходилось посылать на нужды, заботясь объ ихъ ученіи и поведеніи, объ ихъ согласномъ житіи съ сельчанами, о ремонтѣ ихъ построекъ и т. п. Кроме того, мать и сестру онъ содержалъ на свои средства. Александра Петровича постоянно со всехъ концовъ осаждали просьбами похлопотать за одного предъ архіереемъ, за другого попросить преподавателя, третьему помочь деньгами или совѣтомъ. Это было цѣлѣннѣ тяжелое бремя. Иногда онъ самъ сознавалъ, что не стѣдовало бы писать и просить, но видя, что человекъ очень бѣднѣ и обремененъ семьей, рѣшался просить. Къ его великому утѣшенію, ему рѣдко отказывали въ просьбахъ, но все же бывали и отказы, и не легко онъ ихъ переносилъ...

Такимъ образомъ, и поездъ окончанія докторской упорной и кропотливой работы надъ докторской диссертацией, Александру Петровичу не удалось внести вздохнуть и успокоиться. Впрочемъ, виной этому были не только безконеч-

1) У А. П. и Ольги Сергѣевны было 12 человекъ дѣтей. Изъ нихъ двое умерло.

няя заботы о родственникахъ. Его собственное недомоганіе и болѣзнь съ этого времени стали все настойчивѣе заявлять о себѣ.

Собственно говоря, крѣпкимъ здоровьемъ Александръ Петровичъ никогда не пользовался. Та легочная болѣзнь, которою онъ страдалъ въ 1887—1889 годахъ, оставила навсегда слабость въ его организмѣ. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно подозревалъ, что у него въ сердцѣ что-то неладно: ему казалось, будто у него тамъ что-то кинитъ и, вообще, сердце функционируетъ неправильно. Дѣйствительно, у него иногда бывали перебои сердца, но временамъ оно какъ бы замирало, и ему нужно было медленно и глубоко вдыхать, чтобы оправиться. Однажды въ 1895 году, осенью, онъ съ вечера какъ-то очень разгорячился, а ночью у него появилась столь сильная и продолжительная боль въ сердцѣ, что онъ, по его словамъ, чуть не умеръ. Послеъ онъ все боялся, какъ-бы съ нимъ это не повторилось. Другой разъ, уже въ ноябрѣ 1904 года, онъ всталъ рано и отправился на вокзалъ, чтобы ѣхать въ Москву; прошесть немного по своему проулку и вдругъ почувствовалъ, что ноги у него подкашиваются: онъ опустился на землю, потомъ кое-какъ всталъ и опять пошелъ шатаясь, но снова упалъ,—и такъ нѣсколько разъ. Наконецъ, подошли фабричные и спросили, не пьянъ-ли онъ? Александръ Петровичъ сказалъ, что ему дурно, и попросилъ отвести его на квартиру. Двѣ женщины привели его домой. Въ это время онъ едва волочилъ ноги: голова его опустилась на бокъ, и онъ все стоцалъ: „ой, багюнки, тошно!“ Наскоро его уложили, разстегнули, устроили компрессъ, и онъ оправился. Два два ему дѣлалось дурно въ стѣбахъ Академіи: одинъ разъ въ засѣданіи Совѣта, а другой во время лекціи. Надо замѣтить, что лекціи у него отнимали много силъ: обладая сравнительно слабымъ голосомъ, онъ слишкомъ напрягался, чтобы читать или произносить лекцію громко и внятно, отчего сильно утомлялся. За послѣдніе два-три года Александръ Петровичъ сталъ все чаще и чаще жаловаться на боль въ сердцѣ, а зимой 1909—1910 г. съ трудомъ могъ ходить, постоянно останавливался и перешагивалъ, пока пройдетъ боль: не смотря на это, все не шелъ

къ доктору, со дня на день откладывая эту тяжелую для больного повинность.

Да и побывавши у доктора, который нащелъ у него ожирѣніе и расширеніе сердца и утолщеніе стѣнокъ легочной артеріи, онъ не взялся серьезно за лѣченіе: ему какъ-то все не вѣрилось, чтобы доктора могли сколько-нибудь помочь при болѣзни сердца. Съ большимъ трудомъ въ шестнадцатомъ году, постомъ, онъ съѣздить въ Москву къ доктору, который нащелъ у него цевралгію сердца и склерозъ, сперва принимаятъ прописанныя имъ лѣкарства, но черезъ двѣ недѣли, когда ему снова нужно было показаться доктору, уже не побѣхалъ въ Москву, а дома обращался къ доктору лишь случайно, когда его приглашали къ больному сыну. Вообще, того тщательнаго лѣченія, какое онъ соблюдалъ въ молодости, когда болѣлъ грудью, теперь онъ совсѣмъ не примѣнялъ: онъ точно махнулъ рукою на болѣзнь, которую считалъ неизлѣчимою. Бывшее у него постъ пачки рожиетое воспаленіе носа извнутри и снаружки, продолжавшееся почти шесть недѣль, повидному, сильно его ослабило, а, главное, угнетающимъ образомъ подѣйствовало на его душевное настроеніе. Кроме того, за постѣднее время его волновали разнообразныя другія обстоятельства. Много причиняла ему разстройствъ и вреда его здоровью должность члена академическаго правленія, которую онъ занималъ съ 10 января 1910 года, такъ какъ онъ все слишкомъ близко и горячо принималъ къ сердцу. Когда Ольга Сергѣевна ему говорила: „ты лучше откажись, чѣмъ такъ разстраиваться“,—онъ обычно отвѣчалъ: „если мы все будемъ уклоняться, кто же будетъ дѣлать?“ и онъ всею своею долгъ, не щадя здоровья, для котораго всякое разстройство было ядомъ.

Новый академическій уставъ принесъ для Александра Петровича новыя огорченія и заботы. Онъ никакъ не могъ примириться съ тѣмъ, что преподаваемая имъ наука не обязательна для всехъ студентовъ, какъ было раньше. Съ другой стороны, раздѣленіе церковной археологіи и литургіи, съ обязательствомъ преподавать ихъ поочередно (одинъ годъ одну науку, другой годъ другую), потребовало отъ

него естественнаго составленія вновь такого же количества лекцій, какое было разработано имъ въ теченіе болѣе чѣмъ двухъ десятковъ лѣтъ преподаванія. Въ виду этого, почти все свободное время, послѣ введенія новаго устава, Александру Петровичу пришлось уделять составленію лекцій. Въ самое послѣднее время Александра Петровича очень беспокоилъ рефератъ, который нужно было написать къ сроку (срочность работы какъ-то всегда его видимо угнетала), т. е. ко дню открытія недавняго археологическаго съѣзда въ Новгородѣ: волновала и самая мысль о предстоящей поѣздкѣ въ Новгородъ, къ которой онъ относился, какъ и вообще ко всякой поѣздкѣ незадолго передъ смертью, съ тягостнымъ чувствомъ сомнѣнія, будетъ ли она для него благополучной. Въ этомъ, вѣроятно, сказывалось предчувствіе приближающейся смерти, которое въ текущемъ году онъ неоднократно проявлялъ, напр., спрашивать у супруги, у вѣхъ ли дѣтей имѣется трауръ, а иногда прямо говорить, что долго не проживетъ. Такимъ образомъ, хотя Александръ Петровичъ скончался внезапно, въ ночь послѣ обычнаго дѣловаго дня, скончался почти мгновенно, но для него самого смерть не представлялась совершенной неожиданностью.

Но хотя физическій организмъ Александра Петровича въ послѣдніе годы замѣтно ослабѣвалъ, предвѣщая ему и окружающимъ близость рокового конца, его духовная личность, напротивъ, продолжала расти и настолько мощно раскрывалась, что все приходившіе съ нимъ въ соприкосновеніе чувствовали ея величіе и неотразимое обаяніе. Въ его лицѣ въ могилу сошлись крупный ученый, выдающійся профессоръ и рѣдкій по своимъ душевнымъ качествамъ человѣкъ.

Какъ ученый, А. Н. Голубцовъ сформировался подъ тѣми вліяніями, которая были заложены въ Московской духовной Академіи ея великими профессорами — историками второй половины XIX столѣтія — прот. А. В. Горскимъ, Е. Е. Голубинскимъ, В. О. Ключевскимъ и А. П. Лебедевымъ, и, какъ настоящій ученый, всю жизнь относится къ своимъ учителямъ, покойнымъ и живымъ, съ глубочайшимъ уваженіемъ. Предъ памятью А. В. Горскаго, этого патріарха Московской

Академіи, оны' положительно благоговѣть, гордиться имъ, какъ своимъ землякомъ, помѣстять его портретъ передъ письменнымъ столомъ, а въ устныхъ бесѣдахъ и печатныхъ трудахъ любилъ возводить научныя успѣхи, достигавшіеся питомцами Московскои Академіи, къ трудамъ, рукописямъ и многочисленнымъ замѣткамъ А. В—ча въ книгахъ академической бібліотеки, какъ къ первоисточнику. Въ этомъ отношеніи очень интересенъ рукописный отвѣтъ А. П. Голубцова на статью Херсонскаго архіепископа Пискарова, въ которомъ рѣчь идетъ объ открытіяхъ А. В. Горскаго по исторіи двуперстия, использованныхъ потомъ другими учеными.

Подъ вліяніемъ своихъ руководителей, Александръ Петровичъ еще на студенческой скамьѣ былъ поставленъ на самостоятельную ученую путь, съ котораго затѣмъ не сбивался никогда. Такимъ путемъ, вводившимъ въ глубины научнаго знанія, служило для него непосредственное ознакомленіе съ первоисточниками науки въ ихъ полнѣйшемъ видѣ и критическое ихъ изученіе. Такъ называемыя „пособія“—монографіи, курсы и т. п., на которыхъ многіе quasi-ученые всецѣло опочиваютъ, для Александра Петровича всегда были на второмъ планѣ. Этимъ въ значительной мѣрѣ объясняется поразительная оригинальность его научныхъ построеній. Его вдохновеніе питалось памятниками древности, оны' пріучился ихъ понимать и умѣлъ тамъ вычитывать то, чего не замѣчали другіе. При чтеніи памятниковъ оны' дѣлалъ для себя систематическія замѣтки въ алфавитной книгѣ, изъ комбинацій которыхъ возникали интереснѣйшіе эскизы, въ изобиліи разсѣянные въ его печатныхъ трудахъ. Изъ этой же неисчерпаемой сокровищницы кропотливаго труда оны' радужно удѣлялъ справки всякому, кто обращался къ нему. Надо думать, что эта близость Александра Петровича къ первоисточникамъ отражалась и на его стилѣ, необыкновенно простомъ, до прозрачности ясномъ.

Само собой понятно, что такое отношеніе къ наукѣ могло быть вполне плодотворнымъ лишь при условіи неухащаго труда. И, дѣйствительно, Александръ Петровичъ былъ изумительнымъ труженикомъ, несмотря на свою болѣзненность. Для него не было ни каникулъ, ни праздниковъ. Дома оны'

постоянно сидеть за письменным столомъ въ кабинетѣ, къ чаю выходить съ книгой, иногда книгу брать и за обѣденный столъ, при этомъ не любить, когда прерывали его занятія, разбивали его мысли. Вынужденная необходимостью тревожить его, по разнымъ хозяйственнымъ надобностямъ, Ольга Сергѣевна иногда, оправдываясь, говорила ему: „Что же мнѣ дѣлать, если у тебя никогда не добьешься аудіенціи? Въ кабинетъ не ходи, за чаемъ ты съ книгой—не мѣшай, за обѣдомъ тоже, вечеромъ опять въ кабинетъ“. Только исключительной трудоспособностью Александра Петровича можно объяснить, почему онъ въ теченіе своей непродолжительной жизни (51 годъ), несмотря на множество препятствій, успѣлъ написать двѣ диссертациі съ обширными приложениями и, сверхъ того, внушительное количество крупныхъ и мелкихъ статей, въ томъ числѣ нѣсколько рефератовъ, читанныхъ имъ на археологическихъ съѣздахъ ¹⁾. И смерть оторвала его прямо отъ ученой работы—отъ реферата, предназначавшагося къ прочтенію на Новгородскомъ археологическомъ съѣздѣ ²⁾.

Къ своимъ профессорскимъ обязанностямъ Александръ Петровичъ относился въ высшей степени серьезно. Онъ много трудился надъ разработкой курса лекцій, непрерывно пополняя его и совершенствовалъ. При изложеніи своего курса предъ студентами онъ старался по возможности применять наглядный методъ: приносить въ аудиторію громадные фоліанты съ иллюстраціями по исторіи искусства, а въ позднѣйшее время пользовался волнющимъ фонаремъ, приглашая академическихъ студентовъ въ церковно-археоло-

¹⁾ См. прилагаемый ниже полный списокъ ученыхъ трудовъ Александра Петровича, составленный его старшимъ сыномъ И. А. Голубцовымъ. Александръ Петровичъ участвовалъ на всѣхъ областныхъ и всероссийскихъ археологическихъ съѣздахъ, начиная съ 8-го всероссийскаго (1890 г.) и кончая областнымъ, бывшимъ на его родинѣ, въ Костромѣ, въ 1909 году, въ качествѣ представителя Московской духовной Академіи.

²⁾ Начало этого реферата, написанное вчера, прилагается здѣсь, какъ последнее произведеніе покойнаго Александра Петровича. Къ нему присоединена запись мыслей, высказанныхъ Александромъ Петровичемъ на тему реферата въ кругу семьи, сдѣланная его старшей дочерью М. А. Голубцовой.

гическій музей и въ лаврскіе соборы, а для Московскихъ слушателей по Училищу живописи перѣдко читалъ лекціи въ Историческомъ музей, Оружейной палатѣ, въ Кремлевскихъ соборахъ и другихъ соответствующихъ мѣстахъ. Благодаря этому, Александръ Петровичъ собиралъ на свои лекціи обыкновенно очень большую аудиторію, съ которой иногда, прерывая чтеніе, вступалъ въ оживленную бесѣду по вопросамъ своей специальности. Къ студентамъ, писавшимъ ему семестровыя или кандидатскія сочиненія, онъ относился очень внимательно и былъ для нихъ великодушнымъ руководителемъ, но въ то же время предъявлялъ къ ихъ работамъ серьезныя требованія и въ своей оцѣнкѣ всегда былъ строгъ. Темы для студенческихъ сочиненій онъ обыкновенно подбиралъ такія, которыя требовали самостоятельныхъ изысканій и обращенія къ первоисточникамъ; такимъ путемъ онъ старался приучать студентовъ къ серьезной ученой работѣ. Въ засѣданіяхъ академическаго Совѣта Александръ Петровичъ всегда принималъ дѣятельное участіе и не разъ своей правдивой, основательной, искренней и воодушевленной рѣчью оказывалъ рѣшающее вліяніе на совѣтскія постановленія.

Какъ человекъ, Александръ Петровичъ Голубицовъ производилъ чарующее, обаятельное впечатлѣніе. При тонкомъ, наблюдательномъ и оригинальномъ умѣ, огромной памяти, замѣчательномъ дарѣ слова, онъ обладалъ сердцемъ, рѣдкимъ для мужчины по богатству, ибжности и благородству чувства. Въ семейной жизни это былъ любящій супругъ, чадолубивый, заботливый и самоотверженный отецъ, хотя горячій и строгій. „Онъ самъ умѣлъ,—вспоминаетъ Ольга Сергѣевна,—спеленать и вымыть ребенка, уложить его спать, самъ умѣлъ лучше всѣхъ ухаживать за больной матерью и поворожденнымъ ребенкомъ, такъ что акушерки и доктора дивились его искусству, а я во время болѣзней часто кромѣ него ничего не хотѣла видѣть. Даже его подчасъ строгія выговариванія мнѣ, капризной и нервничавшейся больной, были пріятнѣе всякаго утѣшенія: первы успокаивались, и я засынала какъ будто ободренная. Отъ природы горячій, вспыльчивый, онъ, бывало, въ гнѣвъ наговоритъ лишняго,

но затѣмъ всегда самъ первый шель мириться не только со мною, но и съ дѣтьми. Домъ и семью онъ почти никогда не оставлялъ на прислугу: обычно мы уходили врозь, по очереди. Въѣздѣ этого, несмотря на свою глубокую религиозность и любовь къ храму, онъ часто долженъ былъ опаздывать къ богослуженію, дожидаясь моего возвращенія. Онъ былъ на рѣдкость домохозяинъ и прекрасный хозяинъ, въ совершенствѣ знавшій все мелочи домашней жизни. Въѣмъ намъ жилое за нимъ, какъ за каменной стѣной¹⁾. Въ отношеніяхъ къ сослуживцамъ Александръ Петровичъ былъ незамѣнимымъ товарищемъ. Въ минуты невзгодъ или вообще какихъ бы то ни было затрудненій, онъ первый стѣмнилъ на помощь, входилъ въ положеніе, давалъ совѣты, не опасаясь навлечь на себя обиду и недовольство въ случаѣ неудачи: при этомъ, какъ несправимый песимистъ, обычно всегда призывалъ къ уступчивости, покорности и примиренію, а говорить такъ некрепко, сердечно и убѣдительно, что трудно было противостоять его внушеніямъ. Въ обращеніи со всѣми людьми вообще Александръ Петровичъ былъ крайне простъ, общителенъ, радушенъ и въ высшей степени гостепріименъ. Въ людяхъ не выносилъ только лжи, вліянья и двоядушія. Напротивъ, честные люди, но заброшенные, отъ которыхъ почему-либо все отворачивались, привлекали его особенное вниманіе: онъ любилъ ихъ привѣчать, посѣщать ихъ и помогать, чѣмъ могъ. Такихъ людей онъ находилъ вездѣ -- и въ Академіи, и въ Лаврѣ, къ которой онъ стоялъ очень близко¹⁾, и на своей рѣднѣ, и въ другихъ мѣстахъ.

¹⁾ Благодаря частымъ занятіямъ въ лаврскомъ архивѣ у Александра Петровича завязалось близкое знакомство съ бывшимъ ученымъ бібліотечаремъ Лавры о. Арсеніемъ, котораго онъ навѣщалъ время отъ времени до самой его кончины. О. Арсеній бывалъ всегда очень радъ такому нарушенію своего старческаго одиночества, любилъ подѣлиться съ Александромъ Петровичемъ результатами своихъ ученыхъ занятій, а передъ смертью своей передалъ Александру Петровичу нѣсколько научныхъ изданій изъ своей вебольшой бібліотечки.—Живо интересовался Александръ Петровичъ вещественными памятниками лаврской старины и всѣмъ, что касалось ихъ сохранности. Такъ въ 1901-мъ году, когда приступали къ реставраціи живописи Троицкаго собора, Александръ Петровичъ, предостерегая отъ излишней торопливости въ столь важномъ дѣлѣ,

Въ этомъ сказывалось его доброе, чуткое и отзывчивое сердце, всю жизнь учащенно бывшее не только отъ собственныхъ, но и отъ чужихъ страданій. Оно даетъ ему полное право на вѣчную и благодарную память съ нашей стороны. —

Внезапно пресеклась жизнь Александра Петровича. — въ послѣдній день своей, воскресенье 3-го Юля, онъ такъ же работалъ, какъ и всегда, и ничто не предвѣщало страшнаго конца. Съ утра задержанный дома непогодой и болѣе того тяжелыми вѣстями съ родины своей о родныхъ ему сиротахъ, покойный поспѣлъ лишь къ концу богослуженія въ лаврскій Успенскій соборъ. Оттуда прошелъ онъ прямо въ академическій церк.-археологич. музей, гдѣ пробылъ до 1½ часовъ, повидному, приводя тамъ кое-что въ порядокъ. Около 2 часовъ пополудни вернулся онъ домой съ огромной книгой „Извѣстій Имп. Археологич. Общества“, нужныхъ ему при обработкѣ реферата объ иконостасѣ. Бѣдный, въ страшномъ утомленіи отъ непосильной ноши (покойный не любилъ брать себѣ извозчика), онъ едва шелъ. Однако, пообедавъ, онъ не легъ отдыхать, какъ дѣлалъ это обычно, но съѣлъ заниматься. — прочитывалъ принесенные имъ матеріалы и продолжалъ, повидному, черновой набросокъ своего реферата. Часовъ около 6-ти его занятія на нѣсколько минутъ были прерваны посѣщеніемъ проф. А. П. Шостыгина, исполнявшаго тогда обязанности ректора Академіи и прѣзжавшаго посоветоваться съ Александромъ Петровичемъ по одному небольшому служебному дѣлу. Часовъ въ 8½ пришелъ навѣстить Александра Петровича одинъ изъ только что окончившихъ Академію студентовъ, монахъ о. С. Радушино встрѣтивъ гостя, Александръ Петровичъ предложилъ ему обычное угощеніе и въ оживленной бесѣдѣ съ нимъ и старшими членами семьи провелъ весь вечеръ, до 11 часовъ ночи. Проводивъ о. С. и закусивъ немного, Александръ Петровичъ обратилъ вниманіе высшей епархіальной власти на необходимость предварительнаго изученія исторіи росписи Троицкаго собора по документамъ лаврскаго архива и указалъ на неотложную потребность въ ремонтъ снѣгу до верху начетверо расколовшагося Успенскаго собора Лавры.

легь спать: лежа уже на постели, при свѣтѣ свѣчи онъ мирно бесѣдовалъ о разныхъ хозяйственныхъ мелочахъ съ супругой своей, еще не ложившейся и спявшей тутъ же около него. Въ началѣ перваго часа ночи, когда бесѣда была уже почти окончена, супруга перекрестила Александра Петровича, простилась съ нимъ на ночь, погасила свѣчу и собиралась уже идти къ себѣ спать. Вдругъ Александръ Петровичъ взметнулся, сѣлъ, схватилъ супругу за руку, тихо простоналъ разъ, другой и увалъ лицомъ въ подушку.

Это было концъ...

Всѣ усилія семейныхъ вернуть сознание Александру Петровичу были безуспѣшны. По опредѣленію скоро пришедшаго доктора, смерть послѣдовала отъ паралича сердца, пронесеннаго на почвѣ грудной жабы и склероза вѣнечныхъ сосудовъ.

Такъ сбылось смутное предчувствіе покойнаго, что суждена ему смерть ранняя и внезапная. „Чувствую“, говорилъ онъ своей старшей сестрѣ въ ноябрѣ 1910 года: „какъ съ каждымъ днемъ слабую“.— „Не хотѣлось бы умирать неожиданно, не подготовившись“, писалъ онъ ей тогда же: „а о семьѣ странно и подумать, что съ нею станеть... Но пусть будетъ во всемъ святая воля Божія!“

Раннимъ утромъ въ понедѣльникъ, 4 июля, скорбная вѣсть о кончинѣ Александра Петровича была сообщена ближайшимъ роднымъ и знакомымъ покойнаго, какъ посадскимъ, такъ и иногороднимъ. Множество сердець наполнила глубокая скорбь ѓ неожиданной и тяжелой утратѣ замѣчательнаго человека и достойнаго ученаго...

Около 9 часовъ утра узнала Академія о кончинѣ одного изъ старшихъ своихъ профессоровъ: скоро о горестномъ событіи доложено было Его Высокопреосвященству Митрополиту Московскому Владиміру, пріѣхавшему еще наканунѣ въ Троице-Сергіеву Лавру для совершенія богослуженія въ день преп. Сергія, 5 июля. Владыка съ живымъ сочувствіемъ отнесся къ горю многочисленной семьи скончавшагося и выразилъ желаніе немедленно отправиться на квартиру усоп-

наго профессора, чтобы вознести тамъ молитвы къ Престолу Всевышняго о упокоеніи души его. Между тѣмъ маленькая спальня Александра Петровича, гдѣ первоначально было положено тѣло его, стала уже наполняться посетителями, приходившими отдать послѣдній долгъ почившему, и здѣсь въ 10-мъ часу была совершена первая панихида святи. Всѣхъ-святскаго кладбища о. Сергіемъ Инкуновымъ. Вскорѣ о намѣреніи Владыки Митрополита сообщено было членамъ семьи покойнаго, и тѣло его было перенесено въ самую просторную комнату квартиры. Здѣсь около полудня и была отслужена новая панихида Владыкой Митрополитомъ въ сослуженіи съ о. намѣстникомъ лавры архим. Товіей, священниками-профессорами о. Е. Воропцовымъ, о. П. Флоренскимъ и другимъ лаврекиимъ, академическимъ и семинарскимъ духовенствомъ при гвѣніи студентовъ Академіи и лаврекиихъ пѣвчихъ. За панихидой присутствовали многіе члены академической корпораціи съ заслугой ордни профф. П. П. Цвѣтковымъ, М. Д. Муретовымъ и исп. должк. рект. проф. А. П. Шостынымъ во главѣ, родные, знакомые и многочисленныя почитатели памяти покойнаго изъ мѣстныхъ жителей. По окончаніи панихиды Владыка Митрополитъ преподавъ свое архипастырское благословіе членамъ семьи почившаго, обратившись къ нимъ съ краткими словами ободренія и утѣшенія, и, милостиво побесѣдовавъ съ нѣкоторыми изъ присутствовавшихъ профессоровъ Академіи, отбылъ, благословляя народъ, стоявшійся подтѣ квартиры Александра Петровича. До поздняго вечера не прекращались въ тотъ день панихиды у тѣла покойнаго, положеннаго къ 4-мъ часамъ въ бѣлый глазетовый гробъ. Непрерывно приходили поклониться праху почившаго люди различныхъ положеній— знакомые, бывшіе и настоящіе ученики его, преподаватели мѣстныхъ духовныхъ и свѣтскихъ учебныхъ заведеній и, во множествѣ, красюковекіе и вообще посадекіе простецы и пниці, знавшіе и чтившіе „хорошаго барина“.

Весь слѣдующій день, 5 іюля, молитва у гроба покойнаго Александра Петровича почти не прерывалась. Утромъ между другими была совершена панихида завѣдующимъ лаврекой школою о. Іоананомъ при гвѣніи учениковъ

школы ¹⁾. После нашихиды о. Юванашъ обратился къ ученикамъ своимъ съ краткимъ словомъ назиданія: „Вотъ дѣти“, говорилъ онъ имъ, указывая на раскрытый гробъ, „и вы живите и трудитесь такъ же, какъ жилъ и трудился покойный профессоръ: какъ онъ самоотверженно и безкорыстно служилъ наукѣ, такъ и вы любите избранное вами дѣло!“— Около часу дня служило нашихиду академическое духовенство во главѣ съ свящ. проф. о. Е. Воронцовымъ при нѣшн студентоувъ и въ присутствіи членовъ академической корпораціи. Нашихида закончилась словомъ о. Евгенія, съ которымъ онъ обратился непосредственно къ семьѣ покойнаго.

„Еще въ маѣ“, говорилъ онъ между прочимъ, „въ этой самой комнатѣ сидѣлъ я съ большимъ Александромъ Петровичемъ, и мы производили съ нимъ экзаменъ по церковной археологіи. А шибъ вотъ этотъ гробъ... и ваша *пана* во гробъ... Ваша *пана умеръ*“... И проповѣдникъ выясняетъ превосходство потусторонней, загробной вѣчной жизни, жизни духа, предъ жизнью земной, временной и тѣлшной. „Нечего бояться смерти,— смерть не страшна: это лишь таинственный переходъ къ вѣчной жизни... Еще древніе евреи въ своихъ катакомбахъ писали: „такой-то *отпущенный*“. Вотъ и *пана* ваша теперь отпущенъ, свободенъ... „Какъ?“ скажете вы: „отпущенъ, свободенъ, когда гробъ его здѣсь передъ нами?“ Да, тѣло его безпомощно приковано къ гробовой доскѣ, но духъ его свободенъ, —онъ отпущенъ... Отпущенъ отъ бремени земныхъ заботъ и болѣзней, свободенъ отъ некушній грѣха... Сегодня день памяти преп. Сергія, посадскій и ваша родной праздникъ, раньше день свѣтлой радости для васъ, а шибъ— день скорби. Пусть будетъ впрелъ этотъ день для васъ двоякимъ знаменательнымъ,— пусть на долгіе годы съ благоговѣйнымъ празднованіемъ памяти преп. Сергія неразрывно соединится въ вашемъ сознаніи воспоминаніе о незабвенномъ

¹⁾ Почившій профессоръ не разъ посѣщаль иконописную школу, показывалъ постановку иконописнаго дѣла своимъ слушателямъ студентамъ Академіи и ученикамъ по Училищу Живописи, Ваянія и Зодчества и занимался даже первоначальной исторіей школы.

отца и его перушиныхъ для васъ завѣтахъ. Въ чемъ же эти завѣты? Вы можете ихъ познать, если прослѣдите, что и какъ дѣлалъ вашъ папа въ своей жизни. Краткую и общую характеристику его земной дѣятельности, мнѣ кажется, можетъ дать одно древне-римское христіанское надгробіе: *Dio- genes fossor in pace depositus*— „Діогенъ, копатель, почивъ въ мирѣ“. „Діогенъ, копатель, и нашъ папа,—что же общаго между ними?“ спросите вы: „что же копалъ нашъ папа?“ Покойный Александръ Петровичъ, вашъ добрый папа, всю жизнь свою былъ копателемъ, какъ и все мы здѣсь, на землѣ: съ одной стороны, изъ толщи необстѣдованныхъ матеріаловъ, изъ мрака невѣстности откапывалъ онъ цѣнныя крупицы знаній для сокровищницы науки, а съ другой, въ теченіе 25 лѣтъ рачительно воздѣлывалъ онъ ниву юныхъ сердецъ, пасажда въ нихъ сѣмена добра и знанія... И думается, какъ первая часть надписи, къ усоншему приложима и вторая ея половина: „in pace depositus“—онъ уже почиваетъ въ мирѣ. Въ этомъ его награда и ваше утѣшеніе“.

Воодушевленная и горячая импровизація о. Евгенія (общій смыслъ которой здѣсь передать лишь приблизительно), сказанная полѣ гроба почившаго, глубоко тронула и сильно взволновала не только семью покойнаго, но и всѣхъ присутствовавшихъ.

Вечеромъ у гроба отслужено было академическимъ духовенствомъ, съ о. П. Флоренскимъ во главѣ, заупокойное всенощное бдѣніе: и затѣмъ вновь совершились панихиды до самой ночи. Въ постѣдней панихидѣ приняли участіе близкіе родственники покойнаго, его сверстники по Академіи и земляки, протоіерей о. Евлампій Троицкій и священ. о. Александръ Потаповъ. Большую часть этого дня и до глубокой ночи псалтирь у гроба покойнаго читалась студентами Академіи и ближайшими родственниками Александра Петровича.

6-го іюля, въ 8½ час. утра былъ совершенъ выносъ тѣла покойнаго въ академическій храмъ для отпаванія. Къ этому времени у гроба покойнаго собралось духовенство, какъ академическое, такъ и прѣзжее, съ ученикомъ Александра Петровича, настоятелемъ Моск. Знаменскаго монастыря, архим.

Модестамъ во главѣ, профессора, родные и знакомые покойнаго: на улицѣ, прилегающей къ квартиру покойнаго, и на дворѣ расположилось множество народа. На гробъ покойнаго возложены были вѣнки отъ сослуживцевъ и опротившей семьи, а тѣло было убрано живыми цвѣтами стараніями группы профессоровъ. По совершеніи литіи гробъ былъ поднятъ и вынесенъ сослуживцами, знакомыми и старинными сыновьями почившаго. Медленно направилась печальная процессія къ академическому храму, часто останавливаясь для совершенія литіи. Около 9^{1/2} часовъ принесено было тѣло Александра Петровича подъ кровъ горячо любимой *almae matris*. Заупокойную литургію совершалъ о. архим. Модестъ ¹⁾ соборить съ оо. прот. Е. Троицкимъ, С. Уваровымъ, священн. А. Потановымъ, Н. Флоренскимъ и священниками-студентами при шпийн оеобо приглашеннаго хора посадской Христо-рождественской церкви и бывшихъ въ Посадѣ студентовъ Академіи. Храмъ былъ полонъ молящимися, среди которыхъ присутствовали почти въ соотрѣ профессоры и преподаватели Академіи, родные, знакомые покойнаго и пр.; здѣсь были между прочими директоръ Училища Живописи, Ваянія и Зодчества кн. А. Е. Львовъ, возложившій на гробъ почившаго ленту отъ Училища съ соответствующей надписью, заслуж. орд. проф. Акад. В. А. Соловьевъ, проф. Извѣстн. филол. лица Н. В. Тихомировъ, товарищи покойнаго—управл. Моск. Главнымъ Арх. Мин. Ин. Дѣль С. А. Бѣлокуровъ, священн. А. П. Фаворскій и мн. др. Во время заупокойнаго стиха о. Е. Воронцовымъ было произнесено слово, въ которомъ онъ высказалъ, что

«не считаетъ умѣстнымъ у раскрытаго гроба говорить напесеркъ усопшему, какъ это часто дѣлаютъ для утѣшенія близкихъ, нечислять его хорошаго качества, ибо для него теперь уже не важенъ судъ земной, человѣческой,—настало время небеснаго суда. Божьяго. Безвозвратно ушелъ покойный отъ насъ, онъ не вернется уже къ земной жизни. Утрата

¹⁾ Преосвященный ректоръ Академіи епископъ Θεодоръ находился въ то время въ С.-Петербургѣ, вызванный туда Св. Синодомъ для участія въ работахъ комиссіи по составленію новаго устава духовной школы.

невозвратима... Ничто, кажется, не может облегчить лицу скорбь! Но припомните, какъ поступаетъ въ подобномъ случаѣ ветхозавѣтный царь и пророкъ Давидъ. Вотъ заболѣваетъ у него поворожденный сынъ. Въ великой печали Давидъ проводитъ ночи, лежа на землѣ, ничего не ѣсть... На седьмой день младенецъ умираетъ, но Давидъ не плачетъ; онъ встаетъ съ земли, умывается, помазается, пошелъ въ домъ Господень и молился; возвратившись домой потребовать себѣ хлѣба и вѣтъ. Удивленные слуги спрашиваютъ его, что значать эти его поступки: «когда дитя было живо, ты постился и плакалъ; а когда дитя умерло, ты всталъ и ѣлъ?» — «Зачѣмъ же мнѣ теперь постигаться?» возражаетъ Давидъ: «Развѣ я могу возвратить его? *Я пойду къ нему, а оно не возвратится ко мнѣ*». (2 Царствъ, XII.). И мнѣ кажется, утѣшеніе близкихъ Александра Петровича должно также состоять въ мысли, что они сами придутъ къ нему, въ послѣднемъ памятованіи, что ихъ самихъ ждетъ та же участь смерти. Какъ же можетъ утѣшить насъ въ горѣ по почившемъ увѣренность въ своей собственной смерти? — Что такое смерть? Что такое гробъ, могила?» спрашиваетъ о. Евгеній и отвѣчаетъ: «Смерть—это рожденіе человека къ новой, духовной, вѣчной жизни, а гробъ или могила —какъ-бы колыбель ея... Какъ въ колыбель поворожденный входитъ не самъ, такъ и умершаго въ гробъ кладутъ,—онъ входитъ въ него не самъ; какъ у колыбели младенца родители его поютъ пѣсни о предстоящей ему многозаботливой жизни, такъ и мать наша св. Церковь преть погребеніемъ пость умершему свои колыбельныя пѣсни о безпечальной, безболѣзненной вѣчной жизни духа; какъ ребенка кладутъ въ колыбель лишь на время, пока онъ не окрѣпнетъ и не будетъ приготовленъ къ болѣе самостоятельной жизни, такъ и умершій попадаетъ во гробъ не навсегда, не на вѣки отдается тлѣннотемной, сырой могилѣ... „Настаетъ часъ, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и, услышавше, оживутъ“, оживутъ къ новой одухотворенной жизни. Кто изъ малодушій хоть разъ усомнится въ этой радости воскресенія, тотъ не можетъ называться послѣдователемъ Христа. Какъ поворожденный не имѣетъ званія, не принадлежитъ какому-либо

соловию по преимуществу, по близокъ и понятенъ всѣмъ и каждому, такъ и смерть всѣхъ сближаетъ, всѣхъ насъ роднитъ и примиряетъ... Мертвый никому не чужой... Такъ и почившій всѣмъ намъ близокъ, всѣмъ намъ братъ. И всѣ мы здѣсь собравшіеся—родные, знакомые скончавшагося и прочіе богомольцы академическаго храма, шлѣмъ такъ не выразимъ нашихъ братскихъ чувствъ къ нему, какъ своей единодушнѣй и горячѣй молитвой къ Богу о упокоеніи души его, гдѣ всѣ праведные упокоются”.

Въ отиѣваніи тѣла покойнаго, кромѣ перечисленнаго выше духовенства, приняли участіе ректоръ Виѣнской духовной семинаріи архим. Филиппъ, монашествующіе преподаватели семинаріи—учевики покойнаго, о. Іоаннъ, священ. А. И. Фаворскій и еще многіе іеромонахи и священники, бывшіе и настоящіе питомцы Академіи, всего до 20 сншкомъ чловѣкъ. Послѣ продолжительнаго и сердечнаго прощанія съ покойнымъ духовенства, семьи, родныхъ и знакомыхъ его открытій гробъ былъ вынесенъ изъ академической церкви и былъ принятъ на руки сослуживцами покойнаго съ заступ. орд. проф. В. А. Соголовымъ во главѣ. Отступили лнтію въ академическомъ саду, возгласилъ „вѣчную память“; заушвно зазвнѣлъ академическій колоколь, и навсегда разлучилась Академія съ своимъ непорочнымъ и вѣрнымъ слугой... Траурная процессія направилась къ Троицкому собору Лавры, гдѣ покойный особенно любилъ бывать за богослуженіемъ, и тамъ у восточной стѣны собора была отслужена новая лнтія. Выйдя изъ стѣны Лавры, процессія въ предшествіи хора пѣвчихъ, въ сопровожденіи архим. Филиппа и большей части служиваго въ церкви духовенства, направилась на Всѣхсвятское Кокуевское кладбище ¹⁾. На большое разстояніе растянулось шествіе. Около

¹⁾ Несмотря на любезное предложеніе академическаго начальства похоронить прахъ Александра Петровича на академическомъ кладбищѣ, въ академическомъ саду, тѣло покойнаго было положено на Всѣхсвятскомъ кладбищѣ, согласно волѣ почившаго, который часто высказывалъ желаніе лечь съ семьей. Недѣли за полторы до смерти онъ самъ ходилъ съ супругой на Всѣхсвятское кладбище съ тѣмъ, чтобы подѣл своихъ до-

3-хъ ч. поодудни достигли кладбища и поставили открытый гробъ у раскрытой могилы. Постѣдняя лѣтя, постѣдшее цѣлованіе—и крышка закрыта... Съ шумомъ опускается гробъ въ глубокую могилу... Тяжелыя минуты, напряженное молчаніе... Одинъ за другимъ подходятъ сослуживцы усопшаго, чтобы сказать ему постѣднее „прости!“ Едва подавляя волненіе и сдерживая рыданія, начинаютъ свою рѣчь проф. С. И. Смирновъ:

„Постѣдній разъ я видѣлъ Александра Петровича 15 дней тому назадъ въ Москвѣ, на кладбищѣ Донскаго монастыря, у свѣжей могилы нашего общаго учителя—великаго историка Ключевскаго. При этомъ я подмѣтилъ одну подробность, которая растрогала меня. Когда разошелся народъ, Александръ Петровичъ поклонился до земли и крѣпко поцѣловалъ дорогую могилу. Что сказалось въ этомъ порывѣ? Благодарность ли за все то, чѣмъ считалъ А. П. себя обязаннымъ покойному историкъ: надежда ли получить новыя силы для тяжелаго служенія научной истинѣ и правдѣ: или это было несознательное предчувствіе своего собственнаго скораго конца? Кто скажетъ намъ!...

„Но для меня теперь ясно, что эти двѣ могилы близки не только по времени. Мало сказать, что оба почившіе—и Ключевскій и Александръ Петровичъ—долго служили въ одной школѣ, занимались смежными науками, что работая они употребляли одни и тѣ же приемы или, какъ мы говоримъ, методы. Этого мало. У того и другого были, я бы сказалъ, общіе научные завѣты, завѣты старой Академіи, которые и сдѣлали ее славной. Завѣты эти можно выразить такъ: наука должна служить самоотверженно и безкорыстно; наука не должна служить средствомъ для постороннихъ ея цѣлей. Наука Александра Петровича одна изъ наиболее специальныхъ, но въ ней онъ избралъ для себя, можетъ быть, самый неблагодарный и наименѣе выгодный отдѣлъ—уставы древне-русскихъ чиновствованій. Трудъ грандіозный. И только беззавѣтная любовь къ наукѣ, самоотверженность и

чѣкъ купить два мѣста—себя и своей супругѣ; мѣста не были куплены лишь потому, что кладбищенскаго священника не было дома.

безкорыстіе могли одушевлять покойнаго ученаго въ этомъ многолѣтнемъ трудѣ образцоваго издательства и глубокаго до корня изученія. Онъ создавалъ фундаментъ своей далеко неразвитой наукѣ. Но коюга глубокіе рыи, развѣ не знаетъ Александръ Петровичъ, что они будутъ засыпаны? Кладя первые камни, развѣ не понималъ покойный, что они скроются въ землю, не будутъ никому видны, и только немногіе изъ ученаго потомства будутъ знать, кто положилъ ихъ? Все это онъ дѣлалъ, зная что единственно на твердомъ фундаментѣ, на круглыхъ камняхъ обетѣдованнаго неточника можетъ создаваться прочное зданіе его науки, и предоставлялъ другимъ возводить стѣны, украшать фасады и стяжать себѣ славу искусныхъ строителей. А между тѣмъ Александръ Петровичъ могъ дѣлать не одну черновую работу, онъ былъ самъ способенъ строить изящно и художественно, и многія странности его твореній даютъ знать въ немъ ученика Ключевского.

„Науку нельзя, хотя бы и хотѣли, подчинить—заставить служить постороннимъ для нея интересамъ и цѣлямъ. И Александръ Петровичъ очень хорошо знаетъ, что такое подчиненіе пагубно для науки и бесполезно для той цѣли, для которой ее хотятъ приносить. Всѣмъ существомъ своимъ атчущій и жаждущій правды, почивній видѣть, что человеческая доля, даже благочестивая, едва ли убѣдитъ кого-либо въ вѣчной истинѣ, а въ концѣ концовъ лишь повредитъ ей. И на первыхъ же годахъ службы Александру Петровичу пришлось получить на этотъ счетъ очень внушительное предостереженіе...

Блаженъ, кто жизнью умѣлъ

Хоть разъ коснуться правды вѣчной!

Блаженъ, кто истину несалъ!

„Эти слова поэта всецѣло относятся къ тебѣ, дорогой учитель и товарищъ. Ты безкорыстно и самоотверженно несалъ истину и безбоязненно, какъ рыцарь безъ страха и упрека, служилъ вѣчной правдѣ. Ты былъ поетелемъ лучшихъ традицій Академіи. И я думаю, твоя безвременная могила не будетъ забыта, пока будутъ помнить въ нашей Академіи ея старыя научныя завѣты“.

Създующимъ говорить и. д. д. С. П. Знаменскій:

„Дорогой Александръ Петровичъ! Смерть такъ быстро, такъ неожиданно взяла тебя отъ насъ, что мысль о томъ, что тебя уже нѣтъ въ живыхъ, представление о томъ, что и сколько мы потеряли съ тобой, еще не можетъ войти въ сознание во всей своей широтѣ. Моя душа полна впечатлѣній и воспоминаній о тебѣ, какъ о живомъ, а не мертвомъ, и эти впечатлѣнія неизгладимы, ибо такая яркая, такая самостоятельная личность и независимый характеръ, какъ ты... развѣ впечатлѣнія отъ такой личности могутъ быть когда-нибудь изглажены изъ памяти хоть сколько-нибудь знавшихъ ее людей?

„Правдивая и честная душа! Въ тебѣ всегда и неутомимо горѣло чувство правды и справедливости и горѣло не такъ, чтобы другіе могли не замѣтить, не почувствовать силы этого горѣнія. Ты не довольствовался однимъ сознаниемъ, или внутреннимъ переживаніемъ разныхъ житейскихъ непорядковъ, но всегда высказывался о нихъ прямо, рѣзко и рѣшительно. И нельзя было не подивиться въ этомъ случаѣ твоей смѣлости и рѣшительности... Да, у тебя именно надо было учиться, какъ говорить правду и говорить ее до конца, не смущаясь ничѣмъ. У тебя надо было учиться тому, какъ хранить, твердо хранить въ себѣ достоинство человѣческой личности всегда, при всякихъ жизненныхъ условіяхъ и положеніяхъ.

„Правдивая и честная душа, ты въ то же время была удивительно чуткой и отзывчивой на чужое горе, на чужія неудачи. Нельзя было не изумляться твоей способности входить во все мелочи и подробности положенія совершенно постороннихъ тебѣ людей. Ты жила ихъ интересами, волновался изъ-за ихъ неудачъ и переживала ихъ радость такъ, какъ будто это были твои собственные. И оттого такъ легко можно было пойти къ тебѣ съ открытой душой, непринужденно говорить тебѣ обо всемъ, ибо ты цѣнила чужую душу и была ей близокъ. Нужно ли было обратиться къ тебѣ за добрымъ совѣтомъ, указаніемъ, развѣ ты когда отказывалась въ этомъ?

„Спасибо же тебѣ, дорогой Александръ Петровичъ, за эту

твою доброту и отзывчивость, спасибо тебѣ за твои добрые совѣты и указанія, которые и мнѣ удалось получить отъ тебя за недолгое, изъ сожалѣнiю, время моего знакомства и личнаго общенiя съ тобой при жизни.

„Вѣчная тебѣ память!“

Послѣднимъ говорить А. К. Мишинъ, недавнiй сослуживецъ покойнаго:

„Дорогой наставникъ и сослуживецъ! Предъ нами твой прахъ: но духъ твой живъ. Къ нему обращусь я съ слабымъ словомъ, какъ малымъ даромъ глубокой признательности“. Указавъ на то, какъ чуждо большинству членовъ теперешняго общества стремленiе ко всему свѣтлому и высокому, какъ постоянно и открыто пошраются ими великiе завѣты Христа, Сына Божiя и совершенинѣйшаго изъ людей, ораторъ продолжаетъ: „Ты былъ однимъ изъ числа тѣхъ немногихъ, при взглядѣ на которыхъ вѣрилось въ человека. Въ твоемъ присутствii чувствовалось легко и свободно. Ты переживалъ чужое горе такъ, какъ бы оно было твоимъ собственнымъ личнымъ горемъ. У тебя было широкое, честное, чистое, любящее сердце...“

„И вѣрите, что Праведный Судья призритъ на раба Своего Александра, ибо неложень Общавнiй: „Блаженни чистии сердцемъ, яко тii Бога узрятъ“.

„Вѣчная память тебѣ, незабвенный, и да будетъ тебѣ земля легка!“

И первыя комья сырой глины гулко простучали по крышкѣ гроба... Нѣсколько разъ прогвѣли „*отчную память*“. Многие земно поклонились раскрытой могилѣ... Медленно дѣлали кирпичный сводъ надъ гробомъ, насыпали могилу... Народъ потихоньку расходился... Вотъ насыпана высокая могила: высокiй дубовый крестъ вѣщаетъ ее,—молчаливое свидѣтельство о безвременно окончившейся жизни...

Списокъ трудовъ Александра Петровича Голубцова.

1. Образецъ для подражанія. Поученіе въ день памяти преп. Сергія Радонежскаго.— „Душеполезное Чтеніе“ 1888, № 9, 95—106. (Студенч. проповѣдь на день 25 сент. 1885 года).
2. Объ обрядовой сторонѣ таинства елеосвященія.— „Прибавленія къ изд. Твор. св. отцевъ“ 1888, ч. 42-ая, 113—130. (Пробн. лекція, чит. 9 сент. 1887 г.).
3. О греческомъ иконописномъ подлинникѣ.— „Прибавл. къ изд. Твор. св. отц.“ 1888, ч. 42-я, 131—151. (Пробн. лекц., чит. 7 сент. 1897 г.).
4. Къ вопросу объ авторѣ, времени написанія, цѣли и составѣ „Изложенія на лютеры“.— „Приб. къ Тв. св. отцевъ“ 1888, ч. 42-я, 152—176. (Библиографич. замѣтка).
5. Вступленіе на патріаршество и поученіе къ паствѣ Іосифа, патріарха Московскаго.— „Приб. къ Тв. св. отцевъ“ 1888, ч. 42 я. 327—381.
6. Изъ исторіи изображеній креста.— „Приб. къ Тв. св. отцевъ“ 1889, ч. 43-ья, 236—299. (Статья. вызв. критику пресов. Никанора арх. Херсонск.—см. „Страшникъ“ 1889, т. I, стрр. 620—628).
7. Судьба Евангелія учительнаго Кирилла Транквилліона Ставро-вельскаго.— „Чтенія въ Общ. люб. дух. проев.“ 1890, № IV, 535—575.
8. Пренія о вѣрѣ, вызванныя дѣломъ королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны.— „Чтен. въ Общ. люб. дух. проев.“ 1891, № I—II, 110—141; № III, 270—312; № V—VI, 521—620; № VII, 79—174; № VIII, 275—388. Отдѣльно: Москва, 1891. V+384. Ц. 2 р.
- Отзѣвы: Е. Е. Голубинскаго и В. О. Ключевскаго въ „Журн. Совѣта М. Д. Ак.“ за 1891 г. стрр. 392—398, и „Богосл. Вѣстн.“ 1892, № 1, 143—4; Н. Г-го въ „Страшникѣ“ за 1892 г., т. I, стрр. 404—408; Н. Н. Глубоковскаго въ „Русск. Обозр.“ за 1892 г., т. I, 953—959; Дм. Цвѣтасва въ „Христіанск. Чит.“ за 1896 г. № 1, 202—223.
9. Къ характеристикѣ состоянія просвѣщенія на Руси.— „Богосл. Вѣстн.“ 1892, № 1, 97—106. (Рѣчь, произв. предъ защитой магист. диссерт. 25 ноября 1891 г.).
10. Н. В. Покровскаго „Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ“.— „Богосл. Вѣстн.“ 1892, № 4, 184—196. (Рецензія).
11. Памятники преній о вѣрѣ, возникшихъ по дѣлу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны.— „Чтен. въ Общ. Ист. и Др. Росс.“ 1892, кн. II. Отдѣльно: Москва, 1892, XXVI+342. Ц. 2 р. 25 к.
12. О значеніи преп. Сергія Радонежскаго въ исторіи русскаго монашества.— „Чтен. въ Общ. люб. дух. проев.“ 1892, № 9. Отдѣльно: Москва, 1892, стрр. 45.
13. О перемѣнѣ темныхъ облаченій на свѣтлыя на литургіи въ Великую Субботу.— „Радость христіанвна“ 1893, кн. IV, 32—39.
14. Пятидесятилѣтіе епископства папы Льва XIII. — „Богосл. Вѣстн.“ 1893, № 7, 123—138.

15. О путешествіяхъ древнихъ христіанъ и нашихъ старинныхъ паломниковъ въ св. землю, Римъ и Царьградъ.—„Богосл. Вѣстн.“ 1894, № 3, 446—462; № 4, 63—88.
- ✓ 16. Смыслъ припѣва: „Ангель вопіяше Благодатиѣ“...—„Радость христ.“ 1894, кн. V, 40—46.
- ✓ 17. Молитва къ Святой Троицѣ отъ преп. отца Сергія, Радонежскаго чудотворца.—„Радость христ.“ 1894, кн. VI, 135—139.
18. Церковно-археологическій музей при Московской Духовной Академіи.—„Богосл. Вѣстн.“ 1895, № 4, 120—140, и № 5, 297—317. Отдѣльно: Сергіевъ Посадъ, 1895, стрр. 41. Ц. 50 к.
19. О молитвенныхъ храминахъ и открытыхъ христіанскихъ храмахъ первыхъ трехъ вѣковъ.—„Богосл. Вѣстн.“ 1896, № 3, 351—369.
20. Древне-христіанская символика Воскресенія.—„Радость христ.“ 1896, кн. V, 25—36.
21. О древнѣйшихъ изображеніяхъ Божіей Матери.—„Богосл. Вѣстн.“ 1897, № 1, 25—48.
22. „Флорищева пустынь. Историко-археологическое описаніе“. В. Георгіевскаго.—„Богосл. Вѣстн.“ 1897, № 2, 362—367. (Библиограф. замѣтка).
23. Происхожденіе, назначеніе и устройство римскихъ катакомбъ.—„Богосл. Вѣстн.“ 1897, № 4, 68—91.
- №№ 19 и 23 соединены и изданы отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: „Мѣста молитвенныхъ собраній христіанъ I—III вв.“ Серг. Пос. 1898, стрр. 43.
24. Изъ исторіи древне-русской иконописи.—„Душенолезн. Чт.“ 1897, № 5, 4—13; № 8, 552—570; № 9, 8—24; № 10, 175—181; № 11, 360—374. Отдѣльно: Москва, 1897, стрр. 56. Ц. 50 к.
25. Изъ исторіи празднованія новаго года.—„Душенол. Чт.“ 1898, № 1, 165—174.
26. Чиновникъ Новгородскаго Софійскаго собора, съ предисловіемъ, примѣчаніями и указателемъ.—„Чтен. въ Общ. Ист. и Др. Росс.“ 1899, кн. II. Отдѣльно: Москва, 1899, XX+270. Ц. 1 р. 75 к.
27. Надписаніе гробное преп. отцу нашему Сергію, Радонежскому чудотворцу.—„Душенол. Чт.“ 1901, № 9, стрр. 3.
28. Чиновники Холмогорскаго Преображенскаго собора, съ предисловіемъ и указателемъ.—„Чтен. въ Общ. Ист. и Др. Росс.“ 1903, кн. IV. Отдѣльно: Москва, 1903, XLII+286. Ц. 2 р. 25 к.
29. Объ особенностяхъ архіерейскаго служенія литургіи съ точки зрѣнія древне-церковнаго обряда.—„Богосл. Вѣстн.“ 1903, № 3, 499—515. (Рѣчь, произнес. на актѣ М. Д. Акад. 1 окт. 1899 г.).
30. Объ отношеніи христіанъ II—III столл. къ искусству.—„Богосл. Вѣстн.“ 1903, № 10, 173—196. (Рефератъ, читанн. на Моск. археологич. съѣздѣ 1890 г.).
31. О началѣ, первыхъ дѣятеляхъ (1744—1759) и направленіи иконописной школы Троице-Сергіевой Лавры.—„Богосл. Вѣстн.“ 1903, № 6, 237—258. (Рефер., чит. на Рижск. археол. съѣздѣ 1896 г.).
32. Къ вопросу о старыхъ академическихъ тезисахъ и ихъ значеніи для археологіи.—„Богосл. Вѣстн.“ 1903, № 7—8, 414—430.

(Рефер., чит. на Киевск. археол. съездъ 1899 г. подъ заглавіемъ: „Къ вопросу о Братской иконѣ Богоматери, Богоявленской церкви и старомъ корпусѣ Киевской Академіи“).

33. О мѣрѣ среди церкви въ связи съ вопросомъ о происхожденіи орлеца.—„Богосл. Вѣстн.“ 1903, № 5, 46—64.

№№ 30—33 включ. вышли вмѣстѣ отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: „Изъ христіанской иконографіи“. Троице-Сергіева Лавра, 1903, стрр. 82. Ц. 75 к.

34. Чашовнікъ Нижегородскаго Преображенскаго собора, съ предисловіемъ и указателемъ.—„Чтен. въ Общ. Ист. и Др. Росс.“ 1905, кн. I. Отдѣльно: Москва, 1905, XIV+68. Ц. 75 к.

35. О выходахъ на воскресныхъ вечернъ и утренѣ въ древней Руси и ихъ происхожденіи.—„Богосл. Вѣстн.“ 1905, № 1, 1—26.

36. О предносной архіерейской лампадѣ.—„Богосл. Вѣстн.“ 1905, № 7—8, 560—569.

37. О старомъ архіерейскомъ мѣстѣ въ храмѣ.—„Богосл. Вѣстн.“ 1905, № 7—8, 570—583.

38. О причинахъ и времени замѣны гласнаго чтенія литургійныхъ молитвъ тайнымъ.—„Богосл. Вѣстн.“ 1905, № 9, 68—75.

39. О наружномъ видѣ и изображеніяхъ Іисуса Христа.—„Православная Богословск. Энциклопедія“, т. VI, 665—676. Слб. 1905.

40. Соборные чиновники и особенности службы по нимъ. Первая половина изслѣдованія.—„Чтен. въ Общ. Ист. и Др. Росс.“ 1907, кн. III и IV. Отдѣльно: Москва, 1907, V+262. Ц. 2 р.

Отзывы: С. И. Смирнова и Н. А. Заозерскаго въ „Журн. Совѣта М. Д. Акад.“ за 1907 г., стр. 73—96; Н. В. Покровскаго въ „Прибавленіяхъ къ Церковн. Вѣдом.“ издав. при Св. Синодѣ за 1908 г., № 4-ый, стрр. 193—197; Н. Пальмова въ „Богословскомъ библиографич. листкѣ“ за 1908 г., вып. 12, декабрь.

41. Чиновникъ Московскаго Успенскаго собора и выходы патріарха Никона, съ предисловіемъ и указателемъ.—„Чтен. въ Общ. Ист. и Др. Росс.“ 1907, кн. IV и 1908, кн. II. Отдѣльно: Москва, 1908, LIII+312. Ц. 3 р.

42. О происхожденіи, символическомъ значеніи и устройствѣ архіерейскаго посоха.—„Богосл. Вѣстн.“ 1909, №6, 260—279. (Рефер., чит. на Черниговск. археол. съездъ 1908 года).

43. Матеріалы для исторіи древне-русской иконописи (начало статьи).—„Богосл. Вѣстн.“ 1910, № 5, 182—195.

№№ 29, 33, 35—38, 42 и 43 выходятъ отдѣльнымъ „Сборникомъ статей“.

44. Рядъ отзывовъ, всегда тщательныхъ, о кандидатскихъ сочиненіяхъ студентовъ Академіи.—См. Журналы Совѣта М. Д. Академіи за 1889—1911 гг.

Остались неопечатанными:

45. „Къ исторіи праздничнаго убранства города Владиміра во второй половинѣ XII вѣка“,—рефератъ, приготовленный къ докладу на Владимірскомъ областномъ археологическомъ съездѣ 1906 года, но не доложенный за преждевременнымъ закрытіемъ съезда.

46. „Авторъ древней повѣсти о Θεодоровской иконѣ Богоматери“,—рефератъ, читанный на Костромскомъ областномъ археологическомъ съездѣ 1909 года.

Остатся недописанными:

47. „Къ исторіи древне-русскаго иконостаса“,—рефератъ, предположенный къ прочтенію на Новгородскомъ археологическомъ сѣздѣ сего 1911-го года.

* * *

Послѣдніе дни своей жизни Александръ Петровичъ былъ занятъ подготовкой къ XV Археологическому сѣзду въ Новгородѣ, куда онъ былъ назначенъ депутатомъ отъ Московской Дух. Академіи. Сѣздъ этотъ очень интересовалъ покойнаго, и ему хотѣлось во что бы то ни стало приготовить докладъ. Послѣ немалыхъ колебаній надъ выборомъ темы, Александръ Петровичъ рѣшилъ предложить обсужденію сѣзда свои мысли о возникновеніи и устройствѣ древне-русскаго иконостаса. Усердно просматривалъ онъ довольно обширную литературу вопроса, былъ увлеченъ своей работой. Наканунѣ смерти, въ субботу, возбужденный и радостный пришелъ Александръ Петровичъ изъ кабинета къ обѣденному столу, и здѣсь въ кругу семьи своей съ рѣдкимъ для него воодушевленіемъ изложилъ только что пришедшія ему, еще нуждавшіяся въ провѣркѣ и обосновавіи, мысли о происхожденіи древне-русскаго иконостаса: дѣло, по его мнѣнію, не всегда обстояло здѣсь такъ, какъ это было принято большинствомъ изслѣдователей до сихъ поръ.

Въ древне-христіанской церкви, въ Византіи, алтарь отдѣлялся отъ собранія вѣрующахъ сравнительно невысокой алтарной преградой; на столбахъ ея и на перекладинахъ, ихъ соединявшихъ, помѣщалось иногда небольшое количество священныхъ изображеній, сдѣланныхъ чаще на металлѣ и небольшихъ. Иконостаса въ томъ видѣ, какъ онъ извѣстенъ теперь намъ, въ Византіи не было: между тѣмъ на Руси онъ уже существуетъ въ XVI в., какъ о томъ свидѣтельствуютъ описи храмовъ (см., напр., описи Волоколам. м-ря XVI в.). Что привело къ этой замѣнѣ византійской алтарной преграды русскимъ многояруснымъ иконостасомъ?

Большинство изслѣдователей склонно было видѣть въ этомъ развѣтѣ алтарной преграды въ иконостасѣ результатъ заботъ храмоздателей и высшей церковной власти о томъ, чтобы въ цѣломъ рядѣ систематически подобранныхъ иконъ дать молящимся возможно полное изображеніе св. вселенской церкви въ ея прославленныхъ представителяхъ, въ молитвенномъ обращеніи этихъ послѣднихъ къ престолу Божию. По мнѣнію же Александра Петровича, этотъ моментъ былъ уже вторымъ въ исторіи иконостаса,—зарожденіе его надо видѣть не въ сознательномъ стремленіи къ символизациіи идеи вселенской Церкви, а въ обыденныхъ условіяхъ церковно-религіозной жизни нашихъ предковъ.

Древне-русскій богомолецъ шелъ въ церковь не съ пустыми руками,—онъ несъ свою семейную икону, „своего бога“, въ церкви ставилъ его на полку, одному ему молился и возжигалъ свѣчу. Такія полки и теперь еще можно видѣть въ нѣкоторыхъ древнихъ храмахъ; въ селѣ Благовѣщенскомъ близъ Сергіева Посада оныя сохраняются до сихъ поръ. Полки эти, гдѣ ставились принесенныя

иконы, шли вдоль всѣхъ стѣнъ храма и по столбамъ. Древне-русскій храмъ представлялъ изъ себя умиленную, непривычную для насъ картину: люди молились каждый своему богу, кланялись въ разныя стороны, спорили изъ-за мѣстъ. Все это вносило безчиніе въ церковь, возбуждало неудовольствіе причта, недоразумѣнія среди молящихся. „И тако веліе въ церкви смятеніе и неблагочиіе бываетъ“, докладывали на Московскомъ Соборѣ 1667 года пріѣзжіе греки, удивленные непривычнымъ обычаемъ. На праздники, особенно на Великій день Пасхи, прихожане берутъ домой свои иконы, „обнажаяще храмъ Божій красоты его“. Московскій Соборъ постановилъ прекратить такое безчиніе—жертвовать иконы въ храмъ навсегда. (См. Дѣянія Моск. Соборовъ, стр. 20).

Въ большинствѣ случаевъ эти приносныя иконы рано или поздно поступали въ церковь, какъ вклады: на нѣкоторыхъ старинныхъ иконахъ и теперь еще встрѣчаются помѣты „моленіе раба Божія имя—рекъ“. Съ теченіемъ времени этихъ иконъ накоплялось слишкомъ много, и негдѣ было хранить ихъ. Тогда наиболѣе цѣнныя стали ставить на видныхъ полкахъ около алтаря, рядами, безъ всякаго порядка, такъ что иногда иконъ Божіей Матери набиралось нѣсколько (по описи Волог. м-ря XVI в. въ одномъ ряду ихъ 8). Чѣмъ больше было иконъ, тѣмъ больше полокъ (ярусовъ) возникало въ тяблѣ, но порядка еще не было: иконы были всякихъ размѣровъ, ставились, гдѣ придется. Неблаготѣпіе тябла привлекало вниманіе церковной власти, и, если не ошибаемся, Новгородскій архіеп. Макарій уже дѣлалъ распоряженіе о необходимости опредѣленнаго порядка въ расположеніи иконъ по ярусамъ. Такъ постепенно возникали поясы апостоловъ, пророковъ, праздниковъ. Старыя иконы, маленькія, въ пол-пяди и въ пядь, не вошедшія въ иконостасъ, оставались пока тутъ же, въ ногахъ у большихъ. Съ теченіемъ времени, путемъ разборовъ эти иконы были удалены, и иконостасъ принялъ обычный теперь для насъ видъ.

Начало нашему иконостасу положила такимъ образомъ не теоретическая мысль или символика, а практическая нужда; символика, какъ часто бываетъ и съ обрядами, только впоследствии закрѣпила то, что было вызвано къ жизни необходимостью.

Въ связи съ вопросомъ объ устройствѣ древне-русскаго иконостаса покойный профессоръ интересовался такъ наз. „мѣстными иконами“ и пытался опредѣлить точное значеніе этого термина по древнимъ монастырскимъ описямъ. Но, повидному, онъ не успѣлъ притти въ этой области къ опредѣленнымъ результатамъ.

Повидному, накануне же своей смерти Александръ Петровичъ приступилъ къ изложенію своихъ соображеній о происхожденіи иконостаса. Это написанное вчера начало предполагавшагося реферата предлагаемъ здѣсь вниманію читателей, какъ послѣдній строки покойнаго профессора.

Къ исторіи древне-русскаго иконостаса.

Съ дѣтства привыкли видѣть предъ собою въ храмѣ многоярусный иконостасъ съ извѣстнымъ числомъ дверей и довольно опредѣленнымъ расположеніемъ въ немъ иконъ, не легко себѣ вообразить на мѣстѣ его что-либо другое или даже представить его въ иномъ какомъ видѣ. А между тѣмъ и эта часть храма, какъ и все остальное въ его убранствѣ, имѣла свою исторію, церковно-археологической наукой еще неизполнѣ освѣщенную, и свою заключительную, если можно такъ выразиться, стадіей отъ насъ уже не столь далеко отстоящую. Даже церковныя власти второй половины XVII—начала XVIII вв., давая свое благословеніе на построеніе той или другой церкви, въ своихъ грамотахъ обычно писали: „А верхъ бы на той церкви былъ не шатровой и олтарь велѣтъ сдѣлать круглой тройной, а въ церкви бѣ въ олтарной стѣнѣ царскія двери были посреди (не на одномъ брусу), а по правую ихъ сторону южныя, а по лѣвую сѣверныя, а подлѣ царскихъ дверей по правую сторону межъ южныхъ въ началѣ поставитъ образъ всемилостиваго Спаса, а подлѣ Спасова образа поставитъ образъ являющаго того святого храма, а по лѣвую сторону царскихъ дверей межъ сѣверныхъ въ началѣ поставитъ образъ пречистыя Богородицы и иные образы по числу“. Такъ, значитъ, относительно недавне то время, когда дѣло съ устройствомъ иконостаса и размѣщеніемъ въ немъ иконъ обстоило нѣсколько иначе, чѣмъ теперь. Приведенное предписаніе, столь гибельно своимъ началомъ отразившееся на судьбѣ нашихъ національныхъ шатровыхъ церквей, является общимъ мѣстомъ, стереотипною фразой храмозданныхъ грамотъ за значительный періодъ и, очевидно, направлено было къ устраненію не одного какого-либо случайнаго явленія, а противъ широко распространеннаго на Руси неурядка. Наличие его авторитетно засвидѣтельствована и отцами большого Московскаго Собора 1666-7 годовъ. Обративъ вниманіе на цѣлый рядъ церковныхъ безпорядковъ, они нмѣняли между прочимъ въ обязанность священникамъ „досматривать въ церквахъ, гдѣ кому приказано, чтобы..... образы мѣстные стояли бы чинны и мелкіе образы приходскихъ людей потому же стояли чинно“. Въ чемъ состояло безчиніе въ поставленіи иконъ особенно второго рода, то есть мелкихъ, іерархи въ другомъ мѣстѣ своихъ соборныхъ дѣяній поясняли: „Приде и то во слухъ нашъ, отчасти же и самѣмъ видѣти приключися, яко вообычаша здѣ неблагоушо, еже прихожанамъ иконы своя домашнія во церкви приносить и всякаго чина кромѣ (т. е. безчинно), идѣже кто хочетъ, поставляти, не согласився и со священникомъ, чесо ради свары и прѣнія, начеже и вражды обыкоша бывати. Ктому, яко свѣщи всякъ предъ своею иконою поставяеть, небрегомымъ сущимъ мѣстнымъ иконамъ олтарнымъ. И всякъ своей иконѣ моляся, на различныя страны поклоняются. И тако веліе во церкви смятеніе и неблагочиіе бываетъ..... Еще же овогда тья святыя иконы

въ церковь приносятъ, овогда же износятъ, наипаче во свѣтлые дни Воскресенія Христова, обнажающе храмъ Божій красоты его, еже все есть цѣлѣпо“. Это неблагочиніе въ данномъ разѣ занимаетъ насъ не какъ типичное явленіе древне-русской набожности, а какъ любопытный историко-археологическій матеріалъ, наводящій на не безынтересныя соображенія. „*Неискусныхъ* людей, многобожіе нещезавшихъ“, какъ охарактеризовали отцы собора мірянъ, приходившихъ въ храмъ съ своими иконами и предъ ними только свѣчи ставившихъ и молившихся, среди предковъ нашихъ было немало. Для этихъ приносныхъ мелкихъ образовъ, какъ ни представлять себѣ ихъ миниатюрными, требовались въ церквахъ подобающія мѣста. И таковыя несомнѣнно въ нихъ были, а въ нѣкоторыхъ старинныхъ хорошо сохранившихся деревянныхъ и даже каменныхъ храмахъ изрѣдка и до сихъ поръ ихъ можно видѣть. По боковымъ стѣнамъ, а иногда и столбамъ храма, начиная со середины его и до притвора, особенно же въ такъ называемой трапезѣ, на высотѣ человѣческаго роста идутъ полки съ причелинами, порой самаго незатѣйливаго ремесла, на которыхъ въ наклонномъ положеніи и накладываются иконы. Поставить и снять ихъ было столь же легко, сколь удобно сдѣлать это же самое съ любою иконою на теперешней божницѣ въ простой крестьянской избѣ. Какъ приносившіяся только на время, эти домашнія иконы не включались, понятно, въ церковный инвентарь, хотя многія изъ нихъ, вѣдь сомнѣнія, поступили потомъ въ храмы въ качествѣ вкладовъ. Болѣе крупныя и цѣнныя изъ нихъ *возможнѣе* жертвователей и съ разрѣшенія, разумѣется, настоятелей, уже ставились теперь въ церквахъ не для единоличнаго только употребленія или моленія, а для *всесобшаго* ихъ чествованія. *Поставленіе* въ Новгородѣ рабомъ Божиимъ Антипою Кузьминымъ въ 1487 году фамиліной иконы съ изображеніемъ на ней седмицы и портретами подъ нею девяти членовъ семьи въ сущности принадлежитъ къ той же категоріи данныхъ. Превращаясь изъ частной собственности въ церковное достояніе, приносныя иконы получали вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе осядлыя и, если позволительно такъ выразиться, видныя въ храмахъ мѣста, устроеныя въ кіотахъ на алтарныхъ стѣнахъ и церковныхъ столбахъ, и, что заслуживаетъ особеннаго вниманія, проникали въ алтарныя иконостасы и образовали изъ себя между ихъ ярусами промежуточные, совершенно самостоятельныя яблѣа.
